ПОСЛАНИЕ
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II
архипастырям, пастырям, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви в связи с 90-летием восстановления Патриаршества в Русской Православной Церкви

Возлюбленные о Господе преосвященные архипастыри, всечестные отцы, боголюбивые иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

В 2007 году Русская Православная Церковь отмечает знаменательную дату — девяностолетие восстановления Патриаршества. Возрождение Патриаршего служения в революционном 1917 году объединило все духовно здоровые силы народа вокруг престола Первосвятителей Московских и оказалось спасительным для Церкви Христовой и Отечества.

На Поместном Соборе 1917-1918 годов, после двухсотлетнего перерыва, обусловленного внецерковными причинами, было принято историческое решение об исполнении канонического правила святых апостолов, предписывающего: «Епископам всякого народа подобает знать первого в них и признавать его как главу, и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения».

Один из тех, кому Промыслом Божиим был уготован путь служения Христу «даже до смерти», священномученик Митрофан, архиепископ Астраханский и Царевский, так выразил в те тревожные дни насущную потребность Церкви в единоначалии: «Во все опасные моменты русской жизни, когда кормило церковное начинало крениться, мысль о Патриархе воскресала с особой силой... Время повелительно требует подвига, дерзновения, и народ желает видеть во главе жизни Церкви личность, которая собрала бы живые народные силы».

Это поистине уникальное событие произошло в переломный момент российской истории: в преддверии страшных, подобных апокалиптическим событий надвигающейся эпохи богоборчества Господь, укрепляя народ перед грядущими испытаниями, дал Своей Церкви возможность свободно избрать Предстоятеля.

В высшей степени пророческими были слова одного из участников Поместного Собора 1917-1918 годов: «Последние события свидетельствуют об удалении от Бога не только интеллигенции, но и низших слоев... и нет влиятельной силы, которая остановила бы это явление, нет страха, совести, нет первого епископа во главе русского народа... Посему немедля мы должны избрать духоносного стража нашей совести, нашего духовного вождя — Святейшего Патриарха, за которым и пойдем ко Христу».

Избранный Собором Первосвятитель Московский и Всероссийский Патриарх Тихон воистину стал пастырем добрым, положившим душу свою ради спасения Церкви Христовой. Его исповеднический подвиг навсегда запечатлен в истории христианства.

Святейший Патриарх Тихон ясно предвидел грядущие скорби и тяготы и сказал об этом сразу после своего избрания: «Весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: "Плач, и стон, и горе", и такой свиток должен был съесть пророк Иезекииль. Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне Патриаршем служении, и особенно в настоящую тяжкую годину! Отныне на меня возлагается попечение о всех церквах Российских и предстоит умирание за них во вся дни. А к сим кто доволен, даже и из крепких мене! Но да будет воля Божия!»

Святитель Тихон был не только ревностным молитвенником и подлинным архиереем Божиим, «*право правящим слово истины*» (2 Тим. 2, 15), но и обличителем неправды, смело возвышавшим свой голос перед властью в защиту веры и Церкви.

Преемники святителя и исповедника Христова, Патриарха Тихона, продолжали идти завещанным им тернистым путем, подъемля непомерное бремя ответственности за чистоту веры и правильное каноническое устроение церковной жизни. Свидетельство этого — твердость и мужество множества православных христиан, принявших мученический венец, но не отступивших от Истины.

«Кровью мучеников созидается Церковь», — говорили древние христиане. Взирая на подвиг свидетельства о Христе многих архипастырей, священников и мирян, принявших венец мученичества в годы безбож-

ных гонений, а также на исповедничество преемников Первосвятителей Московских, совершавших свое служение в XX веке, мы можем еще раз убедиться в правоте этих слов.

Мы возносим благодарственные молитвы ко Господу Вседержителю, ибо Его божественной помощью живет и действует, «восходя от силы в силу», Церковь Христова, ибо *«кто Бог велий, яко Бог наш. Ты еси Бог Творяй чудеса»*.

Предстательством Пречистой Богородицы, многократно являвшей Свою милость нашему народу, совершается ныне духовное возрождение на всем каноническом пространстве Русской Православной Церкви.

И за всем этим стоит молитвенное дерзновение, архипастырский труд и отеческая забота о народе Божием преставившихся от земли во обители Небесные Первосвятителей Московских, воздыхающих у престола Божия к Вседержителю и испрашивающих нам у Него «великих и богатыя милости».

Поздравляя всех с девяностолетием восстановления Патриаршества, сердечно желаю всем архипастырям, пресвитерам, диаконам, монашествующим и мирянам нашей Церкви быть на всех путях жизни своей заботливыми хранителями церковного единства, *«со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство духа в союзе мира»* (Еф. 4, 2-3).

АЛЕКСИЙ,
Патриарх Московский и всея Руси.
г. Москва, ноябрь 2007 года.
(Печатается в сокращении)

Не в богатстве счастье

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Храм в честь благоверного князя Александра Невского, г. Елец. 2 декабря 2007 г.

С праздником, дорогие братья и сестры! Поздравляю вас с освящением престола этого великокняжеского храма и с первой после долгих лет мерзости запустения службой в нем.

Этот прекрасный храм, построенный в честь великих князей Александра Невского и убиенного в Орде Михаила Тверского, — необычный: стены покрыты майоликой, купол венчает хрустальный крест. До революции этот крест сиял: внутри него струилась вода, и была подсветка. Сейчас во Владимирской области, в городе Гусь-Хрустальный сделали такой же крест, правда, уже без воды, но также с подсветкой и очень красивый.

Сейчас по всей России восстанавливаются храмы — люди поняли, что они не смогут прожить, устранив из жизни своей Бога. Ведь в чем заключается человеческое счастье? В здоровье? В комфорте? В деньгах? Но без Бога все это — ничто. Тот, кто полагает надежду только на что-то земное, глубоко ошибается. В сегодняшнем Евангелии мы слышали слова, обращенные Господом к такому человеку: *«Безумне, в сию нощь душу твою истяжут от тебе: а яже уготовал еси, кому будут»* (Лк. 12, 20). Увы, эта страсть действует в мире до сего времени. Все начинается с детства. Посмотрите на младенца: он все тянет к себе — и не просто, а в уста. Это, наверное, закон, Богом заложенный, чтобы человек что-то приобретал, но мы этот закон исказили...

Храм в честь блг. князя Александра Невского, г. Елец

Когда человек живет в достатке, то часто забывает Бога — для него существует только его богатство; он живет и дышит им.

Но думаете, такие люди приобрели счастье? Нет. Богатый человек без Бога — самый несчастный, потому что ему постоянно кажется, что кто-то живет лучше него, что он и по должности, и по знаниям ниже остальных. Его съедает зависть, он ни днем, ни ночью не имеет покоя, хотя материально он богат.

И благо, если кто-то в его роду молится за него, вопиет к Богу — часто этого человека постигает вразумительная болезнь. И тогда приходят такие

люди к нам, священнослужителям, и просят о помощи, так как они обошли всех врачей, «бабушек», экстрасенсов, и ничего им не помогло. А ведь причина того, что человек сам и или кто-то из его родственников заболел, заключается в том, что мамона помрачила их разум. Потому Господь и попускает им скорби, чтобы вспомнили они о Боге, о вечности и не думали, что богатство даст им все для счастливой жизни...

Святые отцы говорят: если есть болезнь, значит, посетил тебя Господь. Болезнь — это дар Божий. И если человек терпеливо переносит недуг, пусть даже со стоном, пусть со слезами, но он ни в чем не укоряет — ни Бога, ни людей, ни обстоятельства жизни — он спасает свою душу и сподобляется от Бога различных благодеяний.

Вспомните ветхозаветного праведного Иова, который заболел проказой (хотя его болезнь не была наказательной — она была попущена, чтобы сделалась явной праведность Иова). Диавол клеветал на него пред Богом: «*...простри руку Твою и коснись кости его и плоти его, — благословит ли он Тебя? И сказал Господь сатане: вот, он в руке твоей, только душу его сбереги. И отошел сатана от лица Господня и поразил Иова проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его*» (Иов. 2, 5-7). Проказа — это страшная, неизлечимая болезнь...

И вот сидел Иов и соскабливал черепком с себя гной. Жена его искушала: «Ты в чем-то согрешил, похули Бога, и Он пошлет тебе смерть. Зачем тебе такие мучения?» Так же и друзья говорили Иову. Но праведный муж отвечал им: «*Господь дал, Господь и взял: да будет имя Господне благословенно!*» (Иов. 1, 21)... И в этих невыразимых страданиях Иов узрел Бога, обогатился благодатью, и Господь, исцелив его, воздал ему *вдвое больше того, что он имел прежде* (Иов. 42, 10).

Когда мы живем с Богом, мы говорим: «Я хочу быть рабом Божиим, чтобы Господь управлял мною, чтобы Он исцелял меня, вразумлял, врачевал, чтобы Он вел меня ко спасению. Я хочу быть под покровом Божиим...» Но когда мы говорим: «Мы не рабы, рабы — не мы», ничьи, значит, мы глубоко ошибаемся.

Как я вам уже говорил, с детства мы все стараемся тащить к себе, любим приобретать. Мы становимся рабами мамоны — богатства, мы становимся зависимыми от алкоголя, наркотиков, интернета, телевизоров, компьютеров, сотовых телефонов, рабами техники, машин, дач. Мы становимся рабами всевозможных вещей. Рабами, потому что мы не можем жить, например, без электроэнергии. И когда люди не имеют благ «цивилизации», мы в ужасе: как же они так могут жить? И телевизора нет, и света, ни ванны, ни воды... Мы в ужасе! А почему? Да потому, что мы — рабы благ этой жизни, благоустроенных квартир, дач, коттеджей.

Один старец-подвижник долгое время жил в пустыни. Когда его поставили во епископа, его жизнь сильно изменилась. Он стал плакать и молиться: «Господи, почему изменилась моя жизнь? Там, в пустыни, мне было так хорошо...» И Господь ответил ему: «Когда ты жил в пустыни, тебе Ангелы служили, а когда ты стал епископом, тебе люди стали служить».

Вот другой пример. Видят в монастыре: что-то брат уже около месяца не выходит из келии. Поняли, что он заболел. Тогда пошли проведать брата. Когда стали открывать дверь, тот брат закричал: «Не входите, не входите ко мне!..» Но они понимали, что что-то не то. Зашли к нему.

— Ты что, отец, болеешь?

— Что же вы наделали!.. Целый месяц ко мне приходили Ангелы и ухаживали за мной. Как только вы открыли дверь — они сразу же удалились.

И еще одно поучение. Жил подвижник и каждое утро находил на столе кусок хлеба. Это Ангелы приносили ему для питания. Подвижник насыщался этим хлебом и целый день пребывал в молитвах, славя Бога. Через некоторое время у него появилась мысль, что он достиг высокого совершенства. Старец принял эту мысль и начал рассматривать этот диавольский прилог. После смотрит: хлеб принесли не белый, а какой-то серый. Он начал скорбеть, ибо понял, что принял тщеславные бесовские помыслы. Но тут подступили блудные помыслы и стали увлекать его. И видит уже, как принесли хлеб, будто объеденный мышами. Старец опять со слезами, со скорбью скушал этот хлеб, он знал, от чего все это. Но не исправился подвижник и далее стал все более предаваться вражьим помыслам, и Ангелы перестали приносить ему хлеб. Ему пришлось выйти из затвора, находить людей, которые стали бы его питать и т.д.

Я хотел провести аналогию с нашей жизнью. Наши предки много страдали. Но во всех бедствиях Господь был с русским человеком. Возрождались храмы, люди молились, благодарили Господа за то, что Он попускает несчастья и спасает их... И как не

было трудно, Русь была Святой, потому что не оставляла веру в Бога...

Затем Россия стала отступать от Бога. Появились бунтовщики, революционеры. Благодать Божия стала от русского человека отходить. Начались великие бедствия: пошел брат на брата, дети на отца, отец на детей...

Как в предыдущем примере: сначала Господь кормил наших предков благодатью Святого Духа, потом мы стали оскверняться неверием, далее открыто пошли против Бога, насмехались над Творцом на театральных подмостках, хулили Бога, Матерь Божию, святых, духовенство, монашествующих... И благодать отошла. Совсем мало стало молящихся. Все ждали какого-то земного рая, думали: «Вот построим коммуну и заживем. Зачем нам нужен Бог?» Мы все старались пахать, сеять, приобретать богатства, чтобы есть, пить, веселиться, как тот евангельский человек, у которого уродилась нива. Ну и к чему мы пришли?..

Как во время построения вавилонской башни, когда люди решили увековечить свое имя. Но Господь, видя, в какую гордыню они впали, смешал их языки, и люди перестали друг друга понимать. Так и в советское время, и в наше, демократическое, появились разные движения, партии, которые выдвигают свои учения и перестали друг друга понимать. И по сей день это вавилонское смешение проявляется в нашей жизни. Это последствие того, как сказано в Священном Писании: «*И якоже не искусиша имети Бога в разуме, сего ради предаде их Бог в неискусен ум, творити неподобная*» (Рим. 1, 28) Или, как говорится, если Господь хочет наказать человека, Он отнимает у него разум. И этот человек думает, что вот так ему будет спасительно, а на самом деле — погибельно и для него, и для других. До такой степени отнят разум благодати. Отойдя от Бога, очень многие люди погибли...

Дорогие братья и сестры, не забудьте эти слова: «*Безумне, в сию нощь душу твою истяжут от тебе: а яже уготовал еси, кому будут*» (Лк. 12, 20). Если мы хотим не в мамону богатеть, а в Бога, нам нужно изменить свой образ жизни и начать с малого. Придя домой, прочитайте хотя бы молитву: «Достойно есть...» Выходя из дома, прочитайте 90-й псалом, чтобы Господь послал Ангела Своего, чтобы на всяком пути охранял вас. Это так мало, какие-то минутки займет у вас, но это будет уже много для вашей жизни, для вашей души...

Молитесь, чтобы Господь не забрал душу не готовой, но продлил жизнь нам для покаяния, исправления и собирания духовных богатств для себя и своих близких. Будем помнить, что нельзя злоупотреблять Его милосердием и долготерпением. Господу нашему слава, честь и держава вовеки. Аминь.

Патриархи смутных времен

В октябре 1989 года архиерейский собор Русской Православной Церкви причислил к лику святых Святейшего Патриарха Иова — первого русского Патриарха и Святейшего Патриарха Тихона — первого Патриарха после двухсотлетнего синодального перерыва.

В какие бы времена ни бывали прославления святых, всегда, в конкретный исторический момент, призываются именно те, кто более всего может своим духовным примером и подвигом жизни во Христе подать помощь нашей земной Воинствующей Церкви от Церкви Небесной, Торжествующей.

Уже было замечено, что патриотическое служение святителей Иова и Тихона проходило в период смутных времен. Господь воздвигал патриаршество на русской земле именно тогда, когда государственная власть слабела и не могла больше справиться с управлением православной державой. Однако на этом поразительная общность судеб двух святых патриархов не кончается.

Оба они пережили гражданские войны. Развязанная недругами Москвы и поддерживаемая предателями, сторонниками Лжедмитрия, междоусобная брань и польско-литовская интервенция 1606-1612 гг. имели целью уничтожение православия в нашем Отечестве. Начало гражданской войны и интервенции в XX веке совпали с первыми днями служения святителя Тихона. Эта гражданская война была связана теперь с попыткой полного уничтожения общения человека с Богом, истребления православной веры.

Патриаршество — и первоначальное, и возрожденное — начинали на Руси два царя, два Государя, которых православный русский народ почитает как святых. Это — царь Федор Иоаннович и царь-мученик Николай II.

Царь Федор Иоаннович был удивительный, светлый человек. Это был воистину святой на троне. Он постоянно пребывал в богомыслии и молитве, был добр ко всем, жизнью для него была церковная служба. Редко какого царя так любил и жалел рус-

ский народ. Его почитали за блаженного и юродивого, называли «освятованным царем». Недаром вскоре после кончины он был занесен в святцы местночтимых московских святых. Но для чужого взгляда этот Государь был другим...

Такое же непонимание со стороны людей, чуждых православного духа, характеризует и отношение к Государю Николаю II. Не будем здесь вспоминать о всей той грязи, которая была вылита на него и на его семью. Народ почитал и почитает Царя-мученика святым.

Патриарх Иов написал замечательную «Повесть о честном житии царя Феодора Иоанновича». Патриарх Тихон отозвался на убийство царской семьи проповедью, в которой обличил и назвал истинных убийц.

При обоих патриархах произошли такие судьбоносные для России события, как конец великих династий. Во дни патриарха Иова умер царь Федор Иоаннович, последний Рюрикович из рода Калиты. При патриархе Тихоне оборвалась династия Романовых.

При обоих патриархах произошло важнейшее для нравственной жизни всего народа событие — убийство невинного царевича-отрока. 15 мая 1591 года в Угличе был зарезан царевич Дмитрий. В ночь на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге был убит царевич Алексий.

Оба патриарха пережили взятие Москвы и хозяйничание в Кремле безчинных захватчиков. Патриарх Тихон был избран на престол под грохот артиллерийского обстрела Кремля.

Церковные смуты также отягчили служение и того, и другого патриархов. Оба были объявлены низложенными, и вместо них провозглашены новые главы Церкви. Многие епископы отпали от Церкви и обрушились с неистовой яростью и клеветой на обоих патриархов.

Накануне смутных времен Господь не только укреплял Россию патриаршеством, но и даровал ей величайшее заступление Царицы Небесной. Казанская икона Божией Матери была явлена незадолго до избрания Святейшего Патриарха Иова. 2 марта 1917 года в день отречения императора Николая II и за несколько месяцев до избрания Патриархом святителя Тихона, а селе Коломенском чудесным образом была обретена икона Царицы Небесной «Державная». Оба этих образа, как мы знаем, имеют не просто местное, но огромное всецерковное, всероссийское значение.

И святитель Иов, и святитель Тихон налагали анафему на власть предержащих, которые глумились над Церковью, над народом, над русской землей.

И тот, и другой патриарх были в заточении. Святейший Патриарх Иов — в Старицком монастыре, святейший Тихон — в московском Донском монастыре и во внутренней тюрьме на Лубянке.

Такой феномен как самозванство был явлен при обоих патриархах. Самозванство Лжедмитрия известно. Трудно себе даже представить сложность тогдашнего положения Патриарха Иова, когда почти все братья-архиереи уговаривали его во имя ложно понимаемого ими церковного мира, ради собственной безопасности присягнуть самозванцу. Но Патриарх не поддался на это искушение, он был тверд и предпочел лжи гонения и ссылку.

Ситуация со лжеправителями повторилась и во дни святителя Тихона. Патриарх ясно видел, что народ, вся страна идет к ложным целям. И сопротивлялся этому до тех пор, пока не увидел другое: народ и общество с этого, выбранного ими пути не свернут! И, как много раз случалось в истории, Церковь пошла вместе с народом к этой бездне, чтобы пусть на самом краю выхватить из пропасти, спасти, дать силы тем, кто наконец увидит и поймет... В этом миссия Церкви, в этом и огромная опасность — опасность неизбежных компромиссов.

Успех борьбы со злом измеряется не внешней победой, а лишь стоянием в истине до конца. Патриарх Тихон не уповал на внешний успех. Такое упование — мысль не христианская. *«Претерпевый до конца, той спасен будет»* (Мк. 13, 13). Следуя этому терпению, заповеданному своими святыми патриархами, стяжал терпение и русский народ, который и спасается, как мы видим из истории, совершенством терпения и стояния за истину Православия. Это — удел России, это тот самый крест, который был возложен на нас тысячу лет назад.

Еще одно высочайшее служение русского Патриарха — печалование о народе. Долг печалования о церковном народе перед государственной властью был возложен на Патриарха в XVI веке и подтвержден на Соборе 1917 года особым пунктом среди прочих обязаанностей главы Русской Церкви. Долг этот оба святителя исполнили сполна, подвергаясь часто за это служение гонениям и узам. Но все превозмогала отеческая любовь: «К тебе же, обольщенный, несчастный русский народ, сердце мое горит жалостью до смерти» — это слова святителя Тихона.

Судьбы святых патриархов перекрещиваются, как и судьбы их времен, как и судьбы нашего времени и современной нам Церкви, которая по вдохновению Духа Божия призвала именно этих святых к служению в наши дни.

Если Помыслом Божиим будут попущены и нам те испытания, которые были во дни земной жизни святителей Иова и Тихона, то мы знаем, что у нас есть небесные защитники. *«Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их»* (Евр. 13, 7).

Из доклада Георгия Шевкунова на конференции, посвященной дням славянской писменности и культуры, 16 мая 1990 г.

"Аще Господь не созиждет дом..."

Когда Церковь земная оскудевает, когда немощи наши переходят ту грань, после которой люди уже не могут удержать Церковь в мире, Господь посылает тех святых, которые в силах помочь своим служением, своими молитвами. Сейчас, судя по всему, именно такое время.

Смиренный ТИХОН,
Божиею милостию Патриарх Московский и всея России,
всем верным чадам
Православной Российской
Церкви

...*«Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его. Напрасно рано встаете, поздно просиживаете»* (Пс. 126, 1-2). Это исполнилось в древности на Вавилонских строителях. Сбывается днесь и воочии нашею. И наши строители делают сотворить себе имя, своими реформами и декретами облагодетельствовать не только несчастный русский народ, но и весь мир, и даже народы гораздо более нас культурные. И эту высокомерную затею их постигает та же участь, что и замыслы Вавилонян: вместо блага приносится горькое разочарование. Желая сделать нас богатыми и ни в чем не имеющими нужды, они на самом деле превращают нас в несчастных, жалких, нищих и нагих (см. Откр. 3, 17). Вместо так еще недавно великой, могучей, страшной врагам и сильной России они сделали из нее одно жалкое имя, пустое место, разбив ее на части, пожирающие в междоусобной войне одна другую. Когда читаешь Плач Иеремии, невольно оплакиваешь словами пророка и нашу дорогую Родину.

Как Господь поверг на землю красу нашу, как разрушил укрепления, как отверг царей и князей наших. Страна, некогда многолюдная, стала одинока, как вдова, великий между народами князь над областями делается данником. Горько плачет он, и слезы на ланитах его, и нет у него утешителя. Враги его стали во главе, неприятели благоденствуют, и враг простер руку на самое драгоценное у него. Воззри, Господи, и посмотри, как мы унижены, и есть ли болезнь, как наша, какая постигла нас. Весь народ вздыхает, ища хлеба, отдает драгоценности свои за пищу, дрова достает за большие деньги и наследие наше переходит к чужим. Дети просят хлеба и никто не подает им. Евшие сладкое истаивают на улицах, и воспитанные на багрянице жмутся к навозу (см. Плач. 2, 1-12; 5, 2-4). И это в стране, бывшей житницею целой Европы и славнейшей своими богатствами. И вся эта разруха и недостатки оттого, что без Бога строится ныне Русское государство. Разве слышали мы из уст наших правителей святое имя Господне в наших многочисленных советах, парламентах, предпарламентах? Нет, они полагаются только на свои силы, желают сделать имя себе, а не так, как наши благочестивые предки, которые не себе, а имени Господню воздавали славу. Оттого Вышний посмеется планам нашим и разрушит советы наши. Подлинно праведен Ты, Господи, ибо мы не покорны были Слову Его (см. Плач. 1, 18).

Забыли мы Господа! Бросились за новым счастьем, стали бегать за обманчивыми тенями, прильнули к земле, к деньгам, упились вином свободы, — и так, чтобы всего этого достать как можно больше, взять именно себе, чтобы другим не оставалось. Заботимся о том, что приходит, — прилежати же о душе вещи безсмертной совсем забываем. Оттого и наши заботы о создании «храмин и житниц» постигает неудача. Церковь осуждает такое наше строительство, и мы решительно предупреждаем, что успеха у нас не будет никакого до тех пор, пока не вспомним о Боге, без Которого ничего доброго не может быть сделано (Ин. 15, 5), пока не обратимся к Нему всем сердцем и всем помышлением своим (Мф. 22, 38). Теперь все чаще раздаются голоса, что не наши замыслы и строительные потуги, которыми мы были так богаты в мимошедшее лето, спасут Россию, а только чудо, — если мы будем достойны этого.

Будем же молить Господа, чтобы Он благословил венец наступающего лета Своего благостию, и да будет оно для России лето Господне, благоприятное.

Тихон, Патриарх Московский и Всея России.
1 января 1918, г. Москва.

Молитва - это начало вечной жизни

Старец схиархимандрит Захария
(1850-1936 г.г.)

Поучение старца Захарии

Очень часто поучал нас старец постоянной молитве, без которой очень трудно стяжать Духа Святого.

«Навыкайте ни одного дела без молитвы не начинать. Работаешь ли ты по специальности твоей, прежде всего возьми благословение у Царицы Небесной. Пред Ее лицом произнеси молитву Иисусову. А во время службы всем сердцем чувствуй присутствие Господа. Он все видит, даже мысли и чувства твои. Старайтесь каждое движение ваше, каждое прикосновение к предмету соединять с молитвой. Молитва рождает смирение, а без смирения нет спасения. Окончив работу, возносите благодарение Господу и Царице Небесной.

Чада мои, даже когда по лесенке поднимаетесь или спускаетесь, на каждой ступеньке говори (про себя) по словечку из постоянной молитвы. Не благословляю иначе ходить по лестнице.

Неспешно говорите молитву — и для души это оздоровление и для сердца польза: «не задаром воздухбьем».

Каждое слово святое — это великая творческая сила.

Каждое слово молитвы приближает нас к Богу. Мы опустошили наши слова, оторвав их от Господа. Даже если нужно что житейское сказать, надо в сердце держать молитву. А кто еще не привык держать молитву при разговоре, тот пусть хоть помнит, что говорит он в присутствии Бога и все, что он скажет, что почувствует, все видит Он, Отец наш Небесный, находясь здесь. Никогда нельзя забывать о неадприсутствии Божием. Забывать это — грех.

Для водворения в сердце постоянной молитвы требуется, чтобы молящийся не говорил ничего лишнего, праздного, а также, чтобы не мечтал, не безпокоился необдуманно, не делал ничего, что ему захочется, а старался бы во всем творить волю Божию. Беседуйте же, чада мои, как можно больше с Господом в молитвах келейных. Это очищает сердце, укрепляет ум, дает силу в действиях исполнить волю Божию.

Вот вы обратились с благодатными словами святых к Богу, но, может быть, это для вас все? Нет. После прочтении молитв, с великим вниманием, в безмолвии мыслей и чувств, нужно постоять хотя несколько минут, ожидая сердцем своим ответа, вразумлений и т. д.

Эти несколько минут вас многому научат: сначала 3 минуты, 5 минут, а потом... сами увидите, кому сколько нужно. Прошу вас это исполнить и благословляю. Это усилит вашу постоянную молитву и отречение от своей воли и даст жажду получить (стяжать) в сердце Духа Святого.

Молитва — это начало вечной жизни, это дверь, через которую мы входим в Царство Небесное; это дорога, которая ведет нас к Господу и соединяет с Ним. Без молитвы человек не живет, а постоянно умирает, хотя и не сознает этого.

Чада мои, старайтесь приобрести постоянную молитву. Крепко просите о том неусыпающую за нас молитвенницу Матерь Божию, как я уже не раз повторял вам.

Будьте мужественны даже тогда, когда великие испытания Господь посылает.

Одолевают страсти, молитва слабеет, даже не хочется ее творить, все внимание поглощают разные желания и страсти. Да тут же как нарочно такие беды внутренние и внешние встречаются, от которых слабый человек в уныние впадает.

Эта страсть — уныние — мертвит все святое, все живое в человеке. Скорее тогда распнитесь крестом, молясь так, как в древности многие из подвижников молились, борясь со страстями. Читайте «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его». Если у кого есть, прочтите канон Честному и Животворящему Кресту Христову, а потом опять распнитесь крестом и умолийте Утешителя душ и телес наших умилосердиться над вами, простить вас и войти в душу вашу и изгнать то ужасное уныние, которое убивает вас».

Однажды, сидя в своей келии, старец взглянул в свой святой угол на иконы. Посмотрел и ужаснулся: перед иконами стоит бес, с отвратительной страшной головой, формы кокосового ореха. Стоит и быстро, быстро бормочет псалмы царя Давида.

— Что это ты, неужели молишься? — спросил старец.

— Я, я надругаюсь над молитвой, — пробормотал бес и исчез.

Старец остерегал нас, чтобы мы не молились как-нибудь, сами не слыша даже слов молитвы и сердцем погружаясь в немолитвенное чувство, и мыслями блуждая, кто где хочет. Молитва это не механическое делание, а предстояние пред Богом, беседа с Ним.

«Молитесь же смиренно, со страхом Божиим, боясь, чтобы вместо молитвы не получилось бы у нас надругательство над молитвой».

«Старец Захария. Подвиги и чудеса». — М.: ТРИМ, 1993

Святитель Тихон Задонский

Краткие нравоучительные слова

слово двадцать пятое

О любви к Богу

Возлюбленные христиане! Все христиане говорят: «Как Бога не любить!» Или: «Кого же нам и любить, как не Бога?» Истинное это слово. Бог есть высочайшее, несозданное, безначальное, безконечное, естественное и неизменное Добро. Как солнце всегда сияет, как огонь всегда согревает, так Бог естественно благ и всегда благотворит, так что *никто не благ, как только один Бог* (Мф. 19, 17). Бог и тогда нам благотворит, когда нас наказывает, ибо Он наказывает нас для того, чтобы нас исправить; бьет нас, чтобы нас помиловать; опечаливает нас, чтобы истинно нас утешить. *Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12, 6). Итак, как же такое Добро — Бога — не любить?

Бог — Создатель наш, Он создал нас, о человеки, не так, как прочую тварь, безчувственную и безсловесную, а создал особым Своим Божественным советом: *сотворим человека* (Быт. 1, 26). О прочих созданиях сказано: *Сказал — и было, повелел — и создались* (Пс. 32, 9). А о человеке иначе. Что же? *Сотворим, — сказал, — человека.*

О святейший, о любезнейший совет! Бог Триипостасный, Отец, Сын и Святой Дух о человеке сказал: *сотворим человека.* Какого человека? *По образу Нашему и по подобию.* О дивная благость Божия к человеку! О высочайшая честь человеческая! Какая тварь такой чести от Бога сподобилась? О любезнейшее и прекраснейшее Божие создание — человек! Образ Божий, как царскую печать, в себе имеет. Славен царь, славен и портрет его. Всякой чести достоин Бог, Царь Небесный, достоин чести и образ Его, человек. Такую благость, о христиане, излил на нас Бог в создании нашем. Итак, как же нам Его не любить?

Пали мы и погибли, чего оплакать достаточно не можем. *Человек, будучи в чести, не уразумел, сравнялся со скотами несмысленными и уподобился им* (Пс. 48, 13). Но Человеколюбивый Бог и тогда нас не оставил: чудный образ спасения изобрел нам. Послал к нам Единородного Сына Своего спасти нас и к Себе привести. *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него* (Ин. 3, 16-17). Как же Бога, так любящего нас, нам не любить? Бог есть Человеколюбец, как все Его называем, должно же и человеку быть боголюбцем. Ибо за любовь ничем иным нельзя воздать, как только любовью и благодарностью.

Бог наш Промыслитель, Он о нас промышляет и печется. Он подает нам пищу, одежду и дом. Его солнце, луна и звезды нас освещают. Его огнем мы согреваемся и варим себе пищу. Его водой омываемся и прохлаждаемся. Его скот нам служит, Его воздух нас оживляет и сохраняет нашу жизнь. Словом, в Его благах и любви содержимся и без них и минуты прожить не можем. Как же так возлюбившего нас, такого Благодетеля — Бога — нам не любить? Человека-благодетеля любим, тем более Бога-Благодетеля должны любить. Ибо все создания, и сам человек — это Божие богатство: *Господня земля, и исполнение ее* (Пс. 23, 1).

Бог — Отец наш. К Нему мы молимся и говорим: *Отче наш, Иже еси на небесех...* Добрые дети непременно отца любят. Если же и мы хотим быть искренними чадами Божиими и Его нелицемерно называть Отцом, то должно нам Его как Отца и любить.

Как всякая добродетель, так и любовь должна быть на сердце... Хотя и кроется она в сердце, однако скрыться не может и снаружи знаки свои показывает.

Но посмотрим, какие знаки любви к Богу, чтобы вместо любви не иметь ложное мечтание о любви. Ибо ни в чем так человек не обманывается, как в любви. Знаки любви следующие.

1) Сам Господь указывает, говоря: *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня* (Ин. 14, 21). Ибо истинно любящий Бога остерегается всего того, что Богу противно, а все то, что Ему угодно, старается исполнять, поэтому и заповеди Его святые соблюдает. А отсюда следует, что не имеют любви Божией те христиане, которые о заповедях Его нерадят. К ним относятся злобные и как-нибудь другим причиняющие вред: блудники, прелюбодеи и все осквернители; воры, хищники, грабители и все каким-нибудь образом неправедно чужое добро себе присваивающие; клеветники и ругатели; хитрецы и лукавые, прельщающие других, обманщики и лицемеры; чародеи и их к себе призывающие, и все законопреступники. Все они, как Закона Божия, так и Самого Бога не любят. Они себя и свои прихоти любят, а не Бога и Его святой закон.

2) Явный знак любви к Богу есть сердечная радость о Боге. Ибо что любим, о том и радуемся. Так и Божия любовь без радости быть не может. И сколько раз чувствует человек в сердце своем сладость любви Божией, столько раз радуется о Боге. Ибо любовь, как пресладкая добродетель, без радости ощущаться не может. Как мед услаждает нашу гортань, когда вкушаем его, так увеселяет сердце наше любовь Божия, когда вкушаем и видим, *как благ Господь* (Пс. 33, 9). Такая радость о Боге изображается во многих местах Святого Писания, а особенно в святых псалмах. Эта радость — духовная, небесная, она — предвкушение сладости вечной жизни.

3) Истинно любящий Бога мир и все, что есть в мире, презирает, и к единому прелюбезному своему Богу стремится. Честь, славу, богатство и все мира сего утехи, которых сыновья века сего ищут, за ничто вменяет. Ему нужен один Бог, несозданное и прелюбезное благо. Он в Нем одном находит совершенную честь, славу, богатство и утешение. Для него один Бог — драгоценный бисер, и потому все прочее — нечто малое. Таковой ничего ни на небе, ни на земле, кроме Бога, не желает. *Что мне на небе? И без Тебя чего желать мне на земле? Изнемогло сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя Боже вовек* (Пс. 72, 25-26). Таковой пищу, питие, одеяние и прочее только ради нужды, а не ради сладострастия употребляет. А отсюда следует, что тот не любит Бога, кто любит мир, по свидетельству апостола: *кто любит мир, в том нет любви Отчей* (1 Ин. 2, 15). Таковы те, которые хотят в гордости и пышности мира сего жить, в богатых домах жить, в богатых каретах ездить, богатой одеждой одеваться, всеми прославляться и почитаться, и прочее. Таковые *похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую* (1 Ин. 2, 16), то есть все, что противно Богу, любят, а не Бога.

4) Истинно любящий Бога в незабвенной памяти держит Бога, Его любовь к нам и Его благодеяния. Это видим и в любви человеческой. Ибо кого любим, о том часто и вспоминаем. Так тот, кто Бога любит, часто о Нем вспоминает, размышляет и Тем утешается, и к Нему восхищается: *ибо где сокровище* его, *там будет и сердце* его (Мф. 6, 21). Для него неоценимое и прелюбезное сокровище — Бог, поэтому и сердце его всегда при Нем неотлучно. Поэтому часто и имя Его святое с любовью поминает. Ибо сердце, любовью Божией исполненное, проявляет и внешние знаки любви. А отсюда видим, что не любят Бога те, которые Его забывают, ибо забвение — явный знак нелюбви к Богу. Любящий любимого забыть не может.

5) Любящий с любимым неразлучно быть желает. Многие христиане желают быть со Христом Господом прославленным, но с Ним в безчестии и поношении быть и крест нести не хотят. Молятся Ему, чтобы в Царствии Его быть, но в мире с Ним страдать не хотят и тем показывают, что сердце их неправое и что Христа истинно не любят и, если сказать правду, больше себя любят, нежели Христа. Поэтому говорит Господь: *кто не берет креста своего и следует за Мною, тот недостоин Меня* (Мф. 10, 38). Истинный друг в несчастье познается. Тот наш истинный друг и тот истинно любит нас, который в несчастье нас не оставляет. Так истинно любит Христа тот, который и здесь, в мире сем, со Христом пребывает, к Нему сердцем прилепляется, и страдание или крест с Ним безропотно претерпевает, и с Ним в будущем веке неразлучно быть желает. Таковой сердечно говорит ко Христу: *мне соединяться с Богом — благо* (Пс. 72. 28).

6) Знак любви к Богу — любовь к ближнему. Кто Бога истинно любит, тот любит и ближнего. Кто любящего любит, тот любит и любимого им. Источник любви к ближнему есть любовь к Богу, но познается любовь Божия по любви к ближнему. А отсюда следует, что тот, кто ближнего не любит, не любит и Бога, как учит апостол: *Кто говорит: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец, ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? Мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего* (1 Ин. 4, 20-21).

Таковы знаки любви к Богу, кроющиеся в сердце человеческом.

Возлюбленные христиане! Покаемся и отвратимся от суеты мира, и очистим сердца наши покаянием и сокрушением, да вселится в нас любовь Божия. *Бог есть Любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем* (1 Ин. 4. 16). Аминь.

Толкование на Евангелие от Матфея

Избранные главы

КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ

(глава 3, зачало 6)

Соделавшись нашего ради спасения истинным Человеком, Христос Спаситель наш прошел и все возрасты человеческие: от нежного детского возраста до совершенного возраста мужеского. Он смиренно подчинил Себя законам человеческим и по всей точности исполнял все требования закона Моисеева. «Никто, – говорит св. Златоуст, – не скажет теперь, будто Он потому отменил обрядовый закон, что не мог исполнить его: нет. Он не преступил ни одной его заповеди». Закон еврейский не допускал до служения священнического и до народного учительства ранее 30-летнего возраста, поэтому и Господь Иисус тридцать лет провел в безвестном тогда Назарете, в смиренных трудах древодела, ожидая предназначенного Ему времени, чтобы явить Себя миру, чтобы выйти на подвиг искупления рода человеческого.

В Синаксаре на крещение Господне читаем: «Крестился Иисус Христос тридцати лет, в таком возрасте, который у людей легко склоняется ко всякому греху. Ибо как первый возраст, младенческий, по словам св. Златоуста и Феофилакта, имеет многое невежество и неразумие, второй, юношеский, разжигается вожделением плотским: так тридцатилетний возраст совершенного мужа порабощен корыстолюбию, тщеславию, гневу и всяким грехам. До сего возраста отложил Господь крещение для того, чтобы исполнить закон всеми возрастами, чтобы освятить все наше естество и подать силу побеждать страсти, и хранить себя от грехов смертных».

И вот, когда исполнилось Ему тридцать лет, когда Иоанн Креститель своею проповедью уже достаточно открыл народу Иудейскому, Кто будет Христос, ***тогда приходит*** наконец и Сам Он, столь давно ожидаемый людьми обетованный Мессия, ***Иисус от Галилеи***, из такой области, где Израильтяне жили в смешении с язычниками, и потому были в презрении у Иудеев, не ожидавших отсюда и обыкновенного пророка. Приходит из города Назарета, малоизвестного, незначительного, не пользовавшегося у Иудеев доброю славою. Приходит ***на Иордан, ко Иоанну*** в смиренном виде, как простой тектон–древодел, как один из смертных сынов Адамовых, чтобы ***креститься он него***.

Иоанн же возбраняше Ему. Да и как осмелится он, раб, возложить руку на Владыку? Как будет крестить крещением покаяния Того, Кто Сам пришел искупить от греха, проклятия и смерти род человеческий? Да и что подумает о Нем народ, если я решусь крестить Его? Не будет ли считать Его ниже меня?.. Прекрасно изображают боговдохновенные толкователи слова Божия, св. отцы, как душевное состояние Предтечи Христова в эти минуты, так и ответ ему Господа Иисуса. По их изображению, из уст Предтечи Христова невольно исходит слово глубокого смирения пред величием пришедшего к нему Христа, и он, принимавший исповедь от всех других, теперь сам смиренно исповедуется пред Господом, глаголя: ***аз требую Тобою креститися***, – я человек и только причастник Твоей благодати, а Ты – Бог и вместе Человек; я один из грешников, а Ты – единый Безгрешный; я сын Адамов, на мне лежит грех его, имею нужду в очищении от этой скверны, а Ты чист от нее; я крещу водою, а Ты крестишь Духом Святым – ***и Ты ли грядеши ко мне***; что делаешь Ты, Господи? Для чего наравне с рабами от раба Твоего просишь того, что свойственно рабам? Для чего желаешь получить то, в чем не имеешь нужды?

Отвещав же, Иисус рече к нему: остави ныне: тако бо подобает нам исполнити всяку правду. В этом ответе Спасителя слышится и величие Сына Божия и смирение Сына Человеческого. *Остави ныне* – отложи пока свое человеческое мышление; делай то, что тебе повелено, и Я буду делать то, что Мне должно. Теперь время не прославления Моего, а уничижения: тако бо подобает, так нужно нам исполнити всякую правду, исполнить закон и волю Божию. Первый Адам не исполнил одной заповеди, и за него осужден весь род человеческий. Я – новый Адам – должен исполнить не только все заповеди Божии, но и законы человеческие, с сими заповедями согласные, и чрез то спасти всех людей.

Спаситель открыто взывал Своим врагам: *кто от вас обличает Мя о грех?* Кто обвинит Меня в каком-нибудь нарушении Закона? – А Закон требовал очищения водою и для жертвы, и для приносящего жертву священника. Иисус Христос стал наряду со всеми грешниками и смиренно готовился принести Самого Себя в жертву за грехи рода человеческого на кресте. И вот, сей Архиерей Вечный, Он же и жертва – Агнец Божий, *вземляй грехи мира*, омывается от Иоанна, сына священника Захарии, в струях Иорданских. По закону Моисееву нужно было обратиться к постороннему лицу, чтобы получить очищение, но кто, кроме праведного сына Захариина, мог быть более достойным совершить подобное служение для воплотившегося Сына Божия? И не для того ли, чтобы приготовиться к такому великому делу, к такой великой чести, Предтеча Господень с самых юных лет удален был в пустыню, чтоб сохранить свою невинность и чистоту от приражений грешного мира? Так Господь Иисус Христос исполняет Закон и в то же время, погружением Своего пречистого тела в воде, освящает водное естество, дарует водам благодатную силу, без которой воды крещения нашего никак бы не были способны очищать грехи человеческие, и Своим Божественным примером установляет и освящает новозаветное таинство Крещения.

Остави ныне, тако бо подобает нам исполнити всякую правду. Я Законодатель и Сын Законодателя, и потому Мне прежде всего нужно Самому исполнить заповеданное, а потом уже повсюду являть опыты Моей власти. Мне должно прежде исполнить закон и тогда уже сообщать благодать. Мне должно положить конец ветхому завету и потом уже проповедовать новый, начертать его на сердцах человеческих, скрепить Моею Кровию и запечатлеть Моим Духом. Мне должно взойти на крест и на нем пригвоздиться, чтобы Моими страданиями уврачевать страдания других. Мне должно низойти в самую глубину преисподней ради содержимых там мертвецов. Мне должно тридневною смертию Моей плоти истребить и уничтожить долговременное владычество смерти. Мне должно взойти туда с плотию, где Я пребываю по Божеству. Мне должно привести к Отцу Адама. Мне должно ныне креститься сим крещением и после преподать всем людям крещение Единосущной Троицы. Возложи же на меня ныне, Креститель, свою десницу. Погрузи Меня ныне в струи Иорданские подобно тому, как Родившая повила Меня младенческими пеленами. Прикоснись Моей главе, пред которой благоговеют и которой поклоняются Серафимы. И Предтеча не стал более препятствовать исполнению Божественной правды: ***тогда остави Его***.

С благоговением взирал он, как Иисус Христос снимал с Себя одежды подобно всем грешникам, сам ввел Его в воду, возложил на Него трепещущую руку и немедленно погрузил Его в водах Иорданских. Произнес ли Креститель при этом какое-либо слово? Вероятнее – ничего. Где взять слов для совершения крещения над Сыном Божиим? Тут было время не говорить, а благоговеть и поучаться. Безгрешному нечего было исповедовать грехи, ***и*** потому ***крестився Иисус взыде абие*** – тотчас же поспешно вышел ***от воды***, и возведши очи Свои к Небу, стал молиться Отцу Своему Небесному, чтобы Он благословил начало Его служения спасению рода человеческого, чтобы чрез Его безгрешное омовение распространилось очищение на все грешное человечество. В сии-то минуты, по разумению св. отцов, Искупителем мира были произнесены пред Отцом Небесным те молитвенные слова, которые некогда открыты были вдохновенному пророку Давиду: *се иду, еже сотворити волю Твою, Боже!* И вот, еще не окончил Он этой смиренной молитвы, как молитва была услышана и на нее последовал ответ Небесного Отца возлюбленному Сыну: ***и се, отверзошася Ему*** – над Ним ***небеса***, свод небесный над главою Его представился раскрытым, наподобие того, как это бывает во время сильного, продолжительного блеска молнии из облаков, – ***и виде*** – увидел как Сам Иисус, так и Иоанн ***Духа Божия сходяща яко голубя, и грядуща на Него***.

Предтеча называл Христа Спасителя Агнцем Божиим, потому что Он, кроткий и смиренный сердцем, яко Агнец незлобивый, веден был после на распятие. И Дух Святый сходит на Него в виде голубине потому, что эта чистая птица всегда служила образом чистоты и невинности, незлобия и кротости.

Но разве не обитал Дух Божий на Иисусе с самого зачатия Его во чреве Девы-Матери? По Божеству Своему Сын Божий неразлучен со Отцом и Духом; по человечеству всегда был преисполнен Духа Божия. Для чего же Дух Святый сходит на Него теперь видимым образом? Для того, чтобы исполнилось предсказание, данное Иоанну: *над Негоже узриши Духа сходяща и пребывающа на Нем, Той есть крестяй Духом Святым.* Для того чтобы в Иисусе познали люди Сына Божия Спасителя мира. Для того чтобы в самом начале нового завета тайна Пресвятой Троицы, древле сокровенная, явилась и явственно открылась видению и слуху человеческому. – ***И се, глас*** Бога Отца ***с Небесе глаголя: сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих!*** Сей есть Сын Мой возлюбленный, Сын Единородный, прежде век от Меня рожденный и Мне собезначальный! Сей есть Сын Мой, *Имже вся быша*, чрез Которого все сотворено, равный Мне в силе, власти и славе! Сей есть Сын Мой, в Котором все Мое благоволение, вся полнота Моей любви, чрез Которого изливается Моя любовь и на всех людей!

Так свидетельствовал Бог Отец о Единородном Сыне Своем, так торжественно объявил Он не Иоанну только, но и всем, кто уверует во Христа, что Сей Крещаемый Иисус есть воистину Мессия, Христос Спаситель мира. А чтобы не думали, что этот глас относится к Иоанну, Дух Святый Своим сошествием, как бы перстом указал и присутствующим, и Иоанну, что слово *Сей* означает не Иоанна, а Иисуса Христа.

Почему же, скажут, иудеи не уверовали в Иисуса Христа? «По жестокосердию своему, – отвечает св. Златоуст, – и при Моисее много было чудес, но народ, после голосов, труб и молний слил себе тельца; да и те же самые, которые были при крещении, видели после воскресение Лазаря, однако ж, не уверовали. Если они, видев собственными глазами воскресение мертвых, столько были злы, то чему дивиться, если они не поверили гласу, нисшедшему свыше? Когда душа находится в безчувственности, развращении и зависти, тогда она не убеждается никаким чудом».

С сего дня Господь Иисус Христос вступил в служение спасению рода человеческого: с сего времени и Иоанн проповедует уже не о грядущем, а о пришедшем Мессии. До крещения Господа Иисуса слава Его, как Христа Спасителя, была сокровенна от людей; теперь, при крещении, Он как бы торжественно поставлен по человечеству Своему Духом Святым на Свое служение спасительное, пред целым миром помазан и объявлен Царем, Первосвященником и Пророком, почему и называется Он *Христом*, а слово *Христос* и значит – Помазанник.

Брат христианин! Что было над Спасителем, то же самое и над тобою повторяется. И при твоем крещении Небо отверзается, и на тебя, когда крещаешься, нисходит Дух Святый. И тебя Бог призывает тогда к горнему отечеству. Во св. крещении Дух Святый соделывает нас не Ангелами и Архангелами, а возлюбленными сынами Божиими. Итак, живи достойно сего высокого звания. Иначе ты будешь наказан за грехи свои не просто как человек, но как сын Божий...

ТРОИЦКИЕ ЛИСТКИ.
ТОЛКОВАНИЕ НА
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ.

(печатается в сокращении)

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 26

Из воспоминаний духовных чад

Благоговение к храму

(Раба Божия Таисия, г. Таганрог)

Много лет я ездила к отцу Виталию, а дома работала в храме просфорницей. В просфорне нас трудилось трое. Но вот беда – не было у нас по безпечности чувства благоговения перед святым делом. Придем, бывало, на послушание и заведем разговоры: кто как замуж выходил, да какая свадьба была. Такой галдеж стоит – не передать! Одна одну не дослушает – другая начинает!..

Отец Виталий все это провидел и прислал нам письмо: «У меня был день рожденья. Мне подарили ковер, а в ковре были утки, да так кричали, что было слышно аж досюда. Там место было и для гусей...»

Получив письмо, я понесла его в просфорню. Прочитали мы и поняли Батюшкин намек. Стыдно стало. С тех пор решили соблюдать во время работы полную тишину, кроме прочтения святых молитв. А если что надо было спросить, то объяснялись только знаками – рукой покажем или глазами поведем. Так отец Виталий нас вразумил.

«Горькое лекарство»

(Раба Божия Вера, с. Благодатное)

На праздники у нас в семье было в обычае выпивать за трапезой некоторое количество вина. Когда-то меньше, а когда-то и больше. И вот приезжаю однажды я к Батюшке. Сели мы обедать. Отец Виталий вдруг обращается ко мне:

– Сестра, садись рядом со мной.

Я села. Он берет сосуд с вином, показывает мне:

– Вот видишь, какое я лекарство горькое пью, – и отливает мне немножко. – Попробуй. Горькое?

Я выпила:

– Да не очень...

Тогда он берет и наливает другого вина – чуть больше:

– А вот это еще горше. Сестра, вот по столько можно пить, а больше – будет «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный...»[1]

И я сразу все поняла... Приезжаю домой, рассказываю, что было у Батюшки. Показываю «мерку»: «Вот какое у нас благословение». То есть понемножку – как лекарство.[2]

Об исправлении ошибок

(Раб Божий Николай, г. Таганрог)

Как-то я исповедовал отцу Виталию один грех. Дело в том, что

дома я занимался частным ремонтом часов. Одна пожилая раба Божия принесла мне подремонтировать часы, а мои домашние шумят: «Что ты этим занимаешься? Пусть несут в мастерскую!» Но она уже принесла килограмма два карамели – как плату за труд. Заранее. Карамель-то мы съели, а ее часами я целых полгода не занимался. Она все спрашивала, интересовалась, приходила... Потом пришла и забрала их – неотремонтированные. А вскоре она умерла. И я посчитал, что я тоже (хотя бы отчасти) повинен в ее смерти: потому что человек пожилой, и настенные часы у нее в доме – единственный в своем роде «живой» механизм... А сколько нервов она потратила – она же тогда очень сильно расстроилась...

И вот я отцу Виталию это исповедовал. И он мне благословил купить маленькие часы и подарить кому-нибудь из бедных. Так он учил не только каяться, но и исправлять свои ошибки – особенно против любви к ближним.

О терпении и смирении

(Монахиня Августа, г. Снежное)

Моя старшая сестра постоянно жаловалась мне, что ей очень тяжело живется...

Приехал к нам как-то раз отец Виталий (он останавливался у матери Евдокии – схимница такая была в нашем городе). Вот я и советую сестре: «Пойди, попроси у отца Виталия молитв». Она послушалась, пошла. А у нее была беда: муж дома бушевал – страшное дело! Пришла она к Батюшке, говорит:

– Отец Виталий, у нас дома и столы летят, и стулья – всё... Настоящая война! У меня уже сил нет. Что мне делать?

А он отвечает:

– Ну, как тебе сказать... Если рубашка загрязнена слегка, то ее чуть простирают, пополощут – и она уже чистая. Повесил, и всё. Но когда она сильно загрязнена, ее сначала замачивают, потом трут, затем кипятят, после снова трут. Несколько процедур нужно, чтобы ее отстирать. Если бы эта рубашка была живая, она бы сказала: «Как мне тяжело оттого, что вы меня так трете!» Поэтому дай тебе, Боже, терпения, чтобы ты всё вынесла.

Так он дал понять, что сестре нужно это претерпеть для очищения грехов, для спасения. Не знаю, насколько она приняла его слово, но с тех пор муж ее стал все тише, тише, и такого буйства уже не было. Видно, Батюшка помолился,

---

[1] По всей вероятности, Батюшка имел в виду погребальное «Святый Боже» *(прим. ред.)*.

[2] Так через примеры, показанные «на себе», Батюшка учил своих чад. Вот и в тот раз он показал, что «приятное утешение», не имеющее меры, рано или поздно из «сладкого» может превратиться в «горькое», потому что всякое сластолюбивое невоздержание заканчивается горечью *(прим. ред.)*.

да и сестра вразумилась в какой-то степени...[3]

* * *

Имей добрый помысел!

Как-то ехали мы с сестрами к Батюшке, и в дороге они между собой сильно поскандалили. Я их просто не узнавала: то была дружба, любовь, а тут!.. Я им говорю: «Да что с вами?! Вы почему так себя ведете?! То одна, то другая!.. Я вас сюда больше не повезу – езжайте в следующий раз сами!..» Приехала и рассказываю отцу Виталию:

– Повздорили мы дорогой, и я им сказала, что больше с ними не поеду.

Он аж испугался:

– Ой! Да ты что! Разве ж так можно говорить?! Возьми свои слова назад! Ты ж ради них и приехала сюда – ты это знаешь?!

Я растерялась:

– Батюшка, простите!

А он все продолжает:

– Да ты ради них и приехала! Тебе б не было возможности здесь побывать, если б не они!

Я каялась и плакала, и все мы каялись. Потом помирились, и всё у нас наладилось. Вот так Батюшка воспитывал нас в любви к друг другу – насаждал в каждой душе добрые помыслы.

О силе крестного знамения

(Монахиня Ксения, г. Снежное)

Когда Батюшка уже жил на Дидубе, приезжало к нему очень много народа. Стол обеденный накрывали длинный-длинный ...

Раз после службы отец Виталий говорит: «Вот сейчас покушаем и будем отдыхать». Сели за стол: по одну сторону посадили священников, а по другую – нас. Отец Виталий говорит: «Давайте "Отче наш" прочитаем». Прочитал молитву один из присутствовавших священников, перекрестил всё: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». Вдруг женщина, что сидела напротив него, как закричит: «Патла-а-а-тый!.. – а у него борода была большая. – Что ж ты сделал?! Как же я теперь сяду?!» Я сначала ничего не поняла, думаю: «Что это она напротив батюшки **сидит** и кричит "как же я сяду"?» А оказывается, она была больная, одержимая. Отец Виталий потом на этом примере нам пояснил: перекрестишь пищу (или что другое), крест наложишь – и враг туда уже не сядет.

* * *

Знай себя – и хватит с тебя

Отец Виталий часто говорил мне: «Мать Ксения, знай себя, бойся себя – и хватит с тебя».[4]

Выбор жизненного пути – дело серьезное

(Раба Божия Лидия, г. Таганрог)

Как-то приехала к отцу Виталию одна женщина спросить благословения выдать дочку замуж. А Батюшке было открыто, что не судьба ей с тем человеком жить. Он и в прошлый раз, с другим, тоже не благословил. И вот мать девушки расстроилась:

– Того жениха Вы не благословили – дочь его бросила. А с этим встречается и очень хочет за него выйти. Прямо не может – сказала: «Выйду замуж, и все!» Я ее никак не могу убедить.

Отец Виталий ей на это отвечает:

– Вы знаете: у Васьки – свадьба, а его невеста куда-то пропала. Ее ищут, ищут – не могут найти. Потом ему говорят: «Васька, вон там другую невесту тебе ведут!» А он отвечает: «Да какая разница! Сажайте рядом!»

Через эту притчу Батюшка хотел показать, что тому жениху было все равно, какая невеста. Разные ведь люди бывают... А брак – дело святое, и к этому шагу надо подходить серьезно – молиться, искать воли Божией, а не поступать «как в голову взбредет». Вот за эту-то безпечность потом и расплачиваемся. С теми молодыми всё так и вышло: поженились они, но потом разошлись.

Так же и с монашеством – это тоже очень серьезно, нужно знать волю Божию. Отцу Виталию воля Божия была открыта, поэтому он знал, кому лучше иметь семью, а кому идти монашеским путем. А мы этого не понимали. Я вот в свое время мечтала о монашестве. Когда мы с мужем еще молодые были, думала: «Разойдусь с Ваней и приму монашество». А Батюшке не говорила. Но он сам мне на мои мысли ответил:

– А что, мать Лидия, монашество? Натянули на меня черную одежду, но какой я монах? Из меня никакого толку нет, точно также и из тебя. Так что ничего не будешь принимать, – это он так сказал, чтобы мне не обидно было.

* * *

Ты сделай дело Божие, а Господь сделает твое

Один раз поехала я к Батюшке и повезла с собой своего мужа Ваню. Приехали. В доме, кроме матушки Марии и отца Виталия, на тот момент никого не было, все были в храме. И вот отец Виталий сел на пол, меня посадил рядом, а Ваню – на диванчик. И начал рассказывать: «Один человек все время молился сидя, потому что у него болели ноги. Но хорошо, что он хоть сидя молился – молитва же идет не от ног, а от сердца!.. Когда я был молодой и служил в армии, я тоже и бегал, и прыгал, и на турнике крутился, и скакал. А теперь у меня ноги болят». Мы с Ваней сидим: глазами – хлоп, хлоп. Ничего не понимаем, к чему Батюшка это говорит.

Потом уже, когда приехали домой, до меня вдруг дошло:

– Ваня! Это ж у тебя ноги болят! Это ж про тебя отец Виталий рассказал!

А муж, и правда, все Божественные книги, даже Евангелие, сидя на диване читал (теперь читает стоя). Он и говорит:

– Ой, точно! А я-то думал: «Странно: Батюшка на турнике крутился? Он же и в армии совсем не был».

Замечательные слова Батюшка сказал: «Хорошо, что он хоть сидя молился – молитва же не от

---

[3] То есть, эта раба Божия признала необходимость для себя такой «стирки» – смирилась. А смирение всегда привлекает в помощь благодать Святого Духа *(прим. ред.)*.

[4] «Знай себя» – в смысле знай свои греховные склонности, свои немощи. «Бойся себя» – не надейся на себя в борьбе со грехом: на свою силу, свой ум, свое благочестие и прочие свои «хорошества», но все упование возложи единственно на помощь Божию, ибо сказал Господь: *«Без Мене не можете творити ничесоже»* – ничего доброго (Ин. 15, 5) *(прим. ред.)*.

ног идет, а от сердца». Наставление, сделанное с любовью. И эта любовь подвигла мужа впоследствии понуждать себя стоять на молитве.

А Господь Ваню не оставил – по ходатайству отца Виталия исцелил его болезнь. Произошло это следующим образом. После смерти Батюшки я больше ни разу не была в Тбилиси. А Ваня ездил туда помогать – нужна была мужская сила. Муж часто посещал могилку Батюшки, вот там-то с ним и случилось чудо. Раньше у него на ногах была экзема – коросты. Чем мы только не пытались их лечить – безполезно! Но вот поехал он в очередной раз в Тбилиси и, как всегда, посетил Батюшку. В то время прошел дождь, была грязь. Ваня, помолившись, намазал ноги мокрой землей с могилки и сверху надел носки. Не снимал он их до самого дома – так и приехал. А дома говорит: «Лида, наверно, надо уже снять – земля высохла и колется». Снял носки, а там – чистые ноги, от болезни не осталось и следа. Вот так Господь исцелил моего мужа по молитвам отца Виталия.

* * *

Правильное решение

Однажды, когда мы были у Батюшки, заговорились допоздна. Уже 12-й час ночи, а мы с отцом Виталием все никак не расстанемся: он говорит и говорит. А слушать его ведь так и хочется! Тут пришла матушка Мария и ну ругаться:

– Хватит уже! Давайте спать ложиться! Времени сколько! Чего – до утра будете сидеть?!

Я чувствовала, что сердится на меня матушка Мария. Мне вообще казалось, что она меня с самого начала за что-то «невзлюбила». А я так из-за этого переживала! Тогда я зашла в комнату рядом с той, в которой мы ночевали, стала перед святым уголком и начала молиться Мамочке-Богородице. Стою и плачу: «Мамочка, смягчи сердце у рабы Божией матушки Марии!» Молилась так, молилась – вдруг отец Виталий из своей комнаты выходит и прямо ко мне. Подошел, и «шлеп» меня по плечу. И тихо так говорит:

– Мать Лидия, твою молитву Мамочка услышала.

А у меня слезы от этого еще сильнее полились... Вот так Мамочка-Богородица меня утешила.[5]

Какой мерой мерите, возмерится вам

(Рабы Божии В. и М., г. Снежное)

Мать Мария рассказывала нам, что Батюшка говорил: «У кого ты на похоронах побываешь, те тебя будут после смерти встречать, чтобы проводить в Царствие Небесное», – и поведал такую историю. Один человек любил ходить на похороны и ставить за покойников свечи. И вот люди, зная эту его благочестивую привычку, решили однажды над ним посмеяться – сказали: «Там вон у тех-то покойник...» Он пришел, а у них, оказывается, бык подох. Но он по простоте сердца и за быка поставил свечку. А потом, когда этот раб Божий умер, Батюшке Виталию было открыто, что встречало его множество людей, у которых он побывал на погребении, и в конце той шеренги стоял бык со свечой на рогах...

Отец Виталий всех поминал, за всех молился. Умер сосед-грузин через два двора от них – Батюшка полдня поклоны за него клал. Когда гроб его несли мимо Батюшкиного дома, мать Мария нас всех вывела на улицу: мы крестились, кланялись – прощались с покойником.

* * *

«Сидел на пиру человек...»

С Батюшкой было хорошо, так бы и находился с ним все время, никуда бы не отходил, слушал бы его день и ночь... Но, к сожалению, поучения мы слушать – слушали, а исполнять – не исполняли. И вот что однажды Батюшка сказал нам по этому поводу:

– Вот знаете: был в одном месте пир, ярмарка – безплатно все раздавали. А в сказках помните, как написано? «Сидел на пиру человек, по усам у него текло, а в рот ничего не попало...»

Это он нас так обличил. Имел в виду Благодать – мы ведь всё слушали, слушали, Благодать текла... а к нам не попадала. Потому что «мимо ушей» всё пропускали. Приедем, бывало, к Батюшке – он начинает нас поучать. А на нас сон нападет. Батюшка рассказывает, рассказывает, а потом вдруг раз – и спросит кого-нибудь: «Ты слышал, что я говорил?» А сказать-то и нечего. Был один раз такой случай. Мать Зоя (сейчас уже покойная) из Горловки говорит:

– Батюшка, у Вас ноги, как у моржа, холодные.

А я в это время сижу, дремлю. Батюшка вдруг спрашивает меня:

– Что я только что сказал?

Я отвечаю:

– Да что-то про моржей... – все, конечно, рассмеялись.

А еще как-то раз было: пришли мы из храма после службы уставшие – дома-то привыкли к многоспанью. Батюшка дал нам книжку и велел мне и еще двум сестрам читать для всех вслух. Начала читать одна сестра – язык заплетается. Потом мне благословили – у меня тоже. Потом читала третья... После Батюшка спросил у всех троих, что мы читали – и никто из нас не смог рассказать, что в той книжке было написано. Это говорит о том, что он много нам давал, но почерпали мы мало.

О духовной внимательности

(Раба Божия Зинаида, г. Таганрог)

Был в моей жизни период, когда я ездила к отцу Кириллу (Павлову). Но попасть к нему было очень сложно: он – духовник Лавры, казначей Лавры, к нему приезжало множество священников, игумений... Он целый день принимал людей. Просто пройти через проходную уже была проблема. В результате попадала я к старцу только поздно ночью, да и то на 15 минут. Промаявшись так несколько лет, я отошла от него.

---

[5] Это говорит о том, насколько близки к нам Господь и Матерь Божия. Случай, описанный рабой Божией Лидией, был для нее духовным экзаменом. В тот раз она решила поставленную задачу правильно, потому и получила утешение. Это было уроком и на будущее. Через отца Виталия Господь хотел укрепить Л. в понимании, как впредь надо поступать в подобных ситуациях. Если чувствуешь нерасположенность человека к себе, то не злись, не обижайся, не ропщи, не жалуйся, не пытайся отстоять свою «правоту», а только молись за человека с любовью, и Господь всё устроит. Сам Батюшка именно так всегда и поступал *(прим. ред.)*.

Как-то я рассказала отцу Виталию об этом. Он очень огорчился и произнес: «А мне бы и трех минут хватило. Мне отец Серафим в свое время сказал несколько слов – и мне их на всю жизнь достаточно». То есть, отец Виталий имел в виду, что нужно улавливать сущность наставлений. А нам разжевывай-разжевывай, говори-говори – в одно ухо влетает, в другое вылетает...

* * *

Когда я была однажды у отца Виталия, ему прислал письмо какой-то священник. Батюшка сказал нам: «Вот послушайте, что я ему ответил...» – и зачитал. Ну, обычный духовный ответ, назидание... Но отец Виталий обратил наше внимание: «Если он хорошенько, внимательно прочтет, ему хватит на всю жизнь». Это было характерно для отца Виталия. Он и мне однажды сказал: «Что вы всё спрашиваете, спрашиваете!.. Я вам сколько пишу, а вы меня всё спрашиваете. Вы возьмите мое первое письмо и прочитайте его внимательно – и вам будет достаточно. Там ответы на все вопросы». Мы ж хотели иметь конкретные ответы на каждый свой вопрос, а он имел в виду вообще всю духовную постановку.[6]

[6] «Духовная постановка» – это, прежде всего, духовная внимательность. И потом – постоянный труд над собой, выражающийся в возделывании, воспитании в себе духовного образа мыслей в духе евангельских заповедей Христовых. Человек, позаботившийся о приобретении такой постановки, научается правильно, по-христиански мыслить и правильно реагировать на все жизненные обстоятельства *(прим. ред.)*.

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Божий человек

Слово преосвященного Никона, епископа Липецкого и Елецкого, сказанное на панихиде по схиархимандриту Виталию (Сидоренко) 30 ноября 2007 года

Царство Небесное, место покойное схиархимандриту Виталию.

Пятнадцать лет прошло с тех пор, как не стало с нами Батюшки, и собор духовенства во главе со Святейшим Патриархом Илией, католикосом всея Грузии, совершил отпевание этого дивного старца. Отец Виталий ушел, но сегодня мы видим: все больше и больше прибавляется у него духовных чад. Сейчас мы не видим Батюшку воочию, но встречаемся и общаемся с ним молитвенно. У каждого, кто о нем слышал, есть его фотография. Об отце Виталии много написано — и в нашем «Задонском паломнике», и в отдельной книге. Его жизнь удивляет всех, и многие из читающих сейчас подходят к знавшим отца Виталия и говорят: «Счастливы вы, что имели такого великого старца, который окормлял вас духовно, который говорил вам слова назидания, который встречал с любовью, кланяясь в ноги, который больше заботился о вашей жизни, нежели о своей».

Вся жизнь Батюшки была подвигом. Он многое перенес: и холод, и постоянное недоедание, и добровольный пост, и нежаление себя ни в чем. Скитания и частые избиения, пустынническая жизнь в горах, полная всяких лишений, и жизнь в городе при постоянном стечении народа... Это не могло не сказаться на его здоровье — три язвы желудка, больные почки и легкие. Он и сам признавался, что кашлял кусочками легкого. Безусловно, он не мог иметь столько здоровья, сколько имеет обыкновенный человек, не предпринимающий таких подвигов, не берущий на себя чужих болезней, с которыми к отцу Виталию приезжали его чада и просто знакомые... Батюшке всех было жалко. Он имел любовь Божественную ко всем людям, которые к нему обращались. У отца Виталия была очень хорошая память, он запоминал каждого человека — и не только внешность, но и все проблемы, скорби и болезни, с которыми к нему приезжали. И, конечно, чем больше человек плакал пред ним, тем больше приходилось ему молиться за него, вставая по ночам...

Жизнь была в те годы очень суровая. Батюшка не хотел брать паспорт, и недаром владыка Зиновий (Мажута) сказал: «Отец Виталий, тебе или тюрьма, или паспорт и священство». По благословению владыки он взял паспорт, чтобы быть священником и приносить множество плодов через поучения, наставления и молитвы. А молился он в храме особою молитвою. Сугубый молитвенный подвиг нес по ночам. И это-то при его здоровье... Поэтому, когда он выходил с Чашею причащать, то боялся упасть из-за головокружения. Иногда случалась у него и рвота, что не давало ему часто служить Божественную

литургию.

Ко причастию Батюшка готовился особенным образом, хотя другим делал послабление их немощам. Однажды в день Ангела владыки Зиновия сидели мы за столом, а на нем — всякие яства: и сыр, и яйца, и сливочное масло, и кислое молоко. Один из приехавших, молодой священник, спрашивает отца Виталия: «Батюшка, нам завтра причащаться, как быть — можно вкушать молочное?» «Если уверены в себе, то ешьте все», — последовал ответ. Вот такое было послабление, чтобы не говорили потом, что отец Виталий сурово относился к постам, к приготовлению ко причастию и т.д. Но сам он всю ночь вынимал частички на жертвеннике в храме. И как он однажды сказал: «Вынимаю частички, и вдруг по жертвеннику ползет змея — тут же появилась блудная мысль». Батюшку по вражьему наваждению (бесовской злобе) одолевали такие вот змеи, которые нас уже почти съели по нашим грехам.

Отец Виталий был физически очень слаб, но чтобы была какая-то печаль на его лице или скорбь!

Вражья злоба на Батюшку была очень велика. Однажды, когда я приехал к отцу Виталию, он мне говорит: «Отец Никон, вот Святейший передал письмо. Пишут, что я крещу мертвых (неродившихся) детей, воцерковляю, а потом причащаю. Будет большая беда, если Святейший поверит этой клевете» — ведь Батюшка был непричастен к тому, в чем его обвинили. Вот сейчас в наших краях появился некий схимонах Иоаким, и пришлось столкнуться с тем же лжеучением. Он говорит, что можно всех младенцев, погибших от абортов или выкидышей крестить, воцерковлять и причащать. Но на основании слов отца Виталия я осудил это мудрование, потому что верю, что мой старец — человек, который и жил, и говорил, и был от Бога.

Батюшка говорил, что последние времена будут тяжелыми, поэтому, кому можно, те должны идти в монастырь, потому что первые мученики будут из монастырей. Сейчас многие спрашивают: «Что будет с людьми, которые хотят уйти (спрятаться) от глобализации, от гонения к непринимающим новые мировые порядки, чтобы их не коснулись ни новые паспорта, ни пластиковые карточки... Может быть, всем надо куда-то уходить?» Но если люди будут прятаться в катакомбы, леса или горы, чтобы спасать, как они думают, свою душу, то спасать они будут лишь свою шкуру. Находиться лучше будет в монастырях, со всеми православными христианами, отсюда начнется гонение — будут уничтожать верных, и через мученичество пойдем ко Господу. Нужно не уходить, а наоборот, стремиться, чтобы не только устоять, но и бороться с антихристовой системой — убежать от нее все равно не удастся...

Пятнадцать лет — немалый период времени... Мы видим, что многие все более узнают о жизни отца Виталия и начинают молитвенно его призывать во всяких нуждах и скорбях, и он помогает. Привозят с его могилки землю... В Тбилиси не успевают подсыпать землю на могилку, потому что многие хотят иметь хоть частичку земли, под которой покоятся останки схиархимандрита Виталия.

Отец Виталий был физически очень слаб, но чтобы была какая-то печаль на его лице или скорбь! Только цвет лица выдавал его страдания. Я видел его плачущим только на похоронах владыки Зиновия. Батюшка очень любил владыку, без него не делал ни один шаг. Когда мы читаем письма отца Виталия, которые он посылал своим чадам, то видим, что он всегда писал: «...молитвами владыки... благословением владыки Зиновия...» и т.д.

Писем Батюшка писал много, укрепляя всех нуждающихся и страждущих в мире, напоминая, что он не забывает никого и молится о всех. И недаром он говорил мне, что ставит свечи, и за кого поставит, смотрит по этой свечке, как этот человек живет. Господь особой благодатью открывал старцу жизнь тех, за кого он молился. И если человек плохо жил или терпел какие скорби, Батюшка писал ему письмо. В конверт он вкладывал часто или билет, чтобы человек понял, что необходимо ему приехать к Батюшке, или другие какие-то вещи с духовным смыслом. Также присылал он и посылочки, в которых часто были его носильные вещи. И по благодати Божией люди получали через это помощь. Недаром и сейчас его вещей боятся одержимые нечистым духом...

Батюшка сближал нас с Господом, очищал от скверн духовных и телесных, вразумлял, наставлял, принимал нашу исповедь... и так легко было после исповеди и общения с ним жить! И хотя времена были трудные: преследовали верующих власти, но возвращаешься от Батюшки — как будто жизнь обновляется, и сам становишься другим, и привозишь эту благодать домой, и этот мир духовный и радость распространяется на своих близких. И у них возбуждается ревность молиться, спасаться — жить по Богу.

Отец Виталий говорил, что в миру очень трудно читать Иисусову молитву и приводил пример: когда они жили в горах, молиться было легко. Как только выходили в селение купить что-то или исполнить какое-то поручение, Иисусова молитва «не шла». Но я знаю, что это он говорил о других — у него-то молитва ни на минуту не прекращалась.

Господь хранил, берег отца Виталия для нас. Мы, конечно, недостойны той милости от Бога, которую явил Он нам через этого приснопамятного старца. Когда в горы пришли

разбойники, думая найти у пустынников богатства, отец Виталий в это время был в селении. Тогда мученически пострадал схиеродиакон Исаакий. В другой раз Господь сохранил жизнь старцу, когда у лесника, стреляющего из ружья в Батюшку, дважды была осечка...

А как отец Виталий сам каялся, как он принимал исповедь!.. Он стоял на коленях впереди множества народа и говорил: «Я блудник... я вор... я убийца...» — и перечислял все грехи. И все стояли на коленях, плакали, сокрушались... Какая же сила нужна, чтобы привести людей к такому слезному покаянию! И конечно, за ним постоянно ходили, просили и об исповеди, и побеседовать, просили помощи болящие и скорбящие. Его обступала толпа, когда он выходил из храма, и не давала пройти. Лишь бы только прикоснуться к старцу! Батюшка в это время все, что было в карманах и за пазухой (там он специально держал и конфеты, и разные пряности, и фрукты), все раздавал. И каждый старался хотя бы одну конфетку получить из рук старца... Бывало даже, что Батюшка снимал с себя и отдавал что-то из одежды. Недаром про отца Виталия говорили, что он замечательный старец, но одна слабость у него — все раздает. Но это, конечно, не слабость — во всем он старался подражать Господу, Которому *негде было и главы преклонить*. Батюшке часто из-за этой его боголюбивой привычки нечего было одеть, чтобы ехать в храм. Поэтому, чтобы сохранить одежду, мать Мария запирала шифоньер на ключ. И отец Виталий скорбел — говорил: «Нужно, чтобы вещи "работали", пусть их носят... а они под замком».

К Батюшке приезжало много людей. В те времена гонений на Церковь это было не безопасно. Но отец Виталий всегда старался умиротворить соседей-грузинов. Мы привозим что-нибудь Батюшке, а он берет это все и раздает соседям. В то время они могли заявить властям, и пострадали бы и приезжие, и отец Виталий...

Батюшка всегда говорил, чтобы благодарили Господа, молились за своих царей, наставлял, чтобы цари были записаны в помянники. Я спросил:

— Батюшка, какие цари?

— У тебя кто в России царь?

— Ну... первый секретарь — Брежнев.

— А ты его записал? Нужно молиться...

Отец Виталий сам молился за всех и старался жить так, чтобы и гонители терпели его. Его любовь всех покрывала.

Сколько людей хотели пообщаться со старцем, хотя посидеть молча в его присутствии... — и приходил в сердце покой, и уходили куда-то все проблемы и невзгоды, как будто уже находишься в другом мире!.. Бывало, даже забываешь, о чем хотел спросить Батюшку, а потом все как-то само собой разрешается по его молитвам...

С отцом Виталием было и трудно, и легко. Спасительно — и в то же время хотелось, чтобы как-то спасение давалось легче. Батюшка молился и показывал нам, как молиться, выполнял правило и показывал, как мы должны выполнять. Он терпел болезни и скорби и показывал, как нам надо терпеть все для своего спасения. В Тбилиси летом особенно жарко, в келье всегда горело много восковых свечей, от них была гарь, но чтобы Батюшка вышел во время молитвы на свежий воздух — никогда этого не было. А нам было очень трудно, мы не могли дождаться, когда же кончится утреннее правило, а оно было очень длинным...

Когда мы приезжали на другую квартиру, там был телевизор. Мать Мария смотрела последние известия или какой-нибудь хороший фильм. Отец Виталий сидел вместе с нами, он ради матери Марии старался здесь присутствовать, чтобы на него не обижались, что он ушел, оставил всех. Сидел он, смотрел и не видел, что показывали по телевизору — я наблюдал за ним. Думаю, что Батюшка делал это ради нас, чтобы мы смотрели и ничего не видели. Никогда он никого не осуждал, говорил: «Раб Божий, вот раб Божий...» Все были у него «рабы Божии» — и плохие, и хорошие, никого он не ругал и не хвалил. Слово «хорошо» было высшей похвалой для тех, кто выполнял его послушания...

В тот день, когда ушел от нас отец Виталий, был траур по всей России. Его знали очень многие. И как ни тяжело было проехать в Тбилиси (шла Грузино-Абхазская война), все равно много собралось Батюшкиных чад. Плач, слезы, скорбь были у всех. Ведь Батюшка всячески сближал нас с Господом...

Сегодня, в день памяти схиархимандрита Виталия, мы собрались помолиться за него. Год от года нас собирается все больше и больше. Ко мне приезжают многие и рассказывают о чудесной помощи этого дивного старца. Когда Батюшка жил с нами на земле, он никому не отказывал, тем более сейчас, когда он имеет дерзновение пред Господом, он всегда нам помогает. Только не нужно его забывать, будем всегда помнить, что был такой Божий человек, который прожил жизнь не ради себя, а ради людей, не жалея себя ни в чем ради ближнего своего.

Царство Небесное, место покойное схиархимандриту Виталию. Господь Бог ублажит его, упокоит, а нас помилует, яко благ и человеколюбец. Аминь.

О ЧТЕНИИ ЖИТИЙ СВЯТЫХ

Часть 4

К сожалению, дух ревности к подвижничеству сейчас заметно оскудевает. Все реже и реже встречаются те, кто даже с умеренной ревностью деятельно стремятся подражать святым отцам. А чрезмерной постоянной ревности давно уже не приходилось встречать. Сегодня учащается другая крайность, когда, читая жития святых, мы не обращаем внимания на то, что в них написано. Допустим, прочитали жизнеописание преподобного Сергия Радонежского и думаем: «Ну, что? Он же был святой, он был избранник от чрева матери. А я кто такой?» И ни одним пальцем не хотим шевельнуть, чтобы приобрести хоть какую-то добродетель, о которой узнали из этого жития. А ведь это вполне реально и достижимо.

Например, если не можем мы решиться кушать заплесневелые сухари, как делал преподобный Сергий, то, по крайней мере, можем не выражать своего негодования, когда нам предложат «пересол» или «недосол», или иную невкусную пищу. Или ради прощения грехов своих вполне можем не роптать, когда зимой по какой-то причине будем зябнуть, помня, что святой Сергий терпел мраз в одной ветхой ряске. (Подчеркиваю – не нарочно устраивать себе безрассудный «морозильник», а хотя бы не роптать при случившихся – вынужденных – обстоятельствах).

Так, с благоразумной рассудительностью, можно извлекать пользу из каждого прочитанного жития.

Если, скажем, прочитаем житие преподобного Пимена Многоболезненного (7 авг. ст.ст.), то если не хватает у нас решимости молиться о пожизненном продлении тяжелой болезни, то хотя бы попросим преподобного, чтобы он помог нам с благодарностью потерпеть наши сегодняшние скорби и болезни столько времени, сколько это угодно Богу. Ведь именно терпением скорбей и болезней спасаются христиане настоящего времени. И постараемся не роптать, если в нашей болезни кто-то из близких не окажет нам внимания и помощи, как было преподобному Пимену.

Если прочитаем житие великомученика Евстафия Плакиды (20 сент. ст.ст.), то смиримся, увидев, насколько ничтожны и мелочны наши житейские беды и искушения по сравнению с тем, что претерпевали другие люди. И, по крайней мере, полезно будет воодушевиться верой и надеждой на Господа, что Он из всякого нашего жизненного злополучия силен извести (т.е. устроить) для нас благо – или во времени или в вечности.

Для весьма многих принесло реальную духовную пользу чтение жития преподобного Василия Нового (26 марта ст.ст.), где помещено подробное описание воздушных бесовских мытарств преподобной Феодоры. Многие после этого прочтения «пришли в себя» и сделали подробную (так называемую «генеральную») исповедь и отстранились от многих грехов.

Одним словом, при желании пользу от чтения житий Святых мы можем приобретать весьма значительную. Но только для этого нужно правильно себя настроить. А именно – чтобы извлекать для себя **хоть что-то** (а не действовать по схеме «или всё, или ничего»).

Если будем с таким настроем читать и стараться применять из прочитанного хоть какой-то маленький штрих в своей жизни, то постепенно мы будем очищаться от грехов, будем более благоразумно переносить скорби и учиться практически жить по-христиански, восстанавливая в себе свойства образа и подобия Божия. И такими, пусть «муравьиными», шагами мы все-таки будем двигаться по пути святых отцов, а не лежать в тепленьком болотце своего привычного нерадения.

Но, надо сказать, духовная брань такова, что иногда к нашему собственному нерадению и неразумию примешивается еще и бесовское действие. Бывает, что враг-диавол при чтении «Житий» навева-

ет помыслы отчаяния: «Эти святые спасались потому, что они были избранниками. А я ведь не такой, никакого предсказания о спасении не имею, потому нет смысла "дёргаться" и пытаться как-то спасаться (без свидетельств Свыше)». Но это – диавольская ложь. Мы, люди, которые не имеем каких-то сверхъестественных предзнаменований об избранности, ничего от этого не теряем, а даже оказываемся в более выгодном положении, потому что кому мало дано (в данном случае – предзнаменований), с того меньше и взыщется. И если мы примем сердцем слова Христовы *«придите ко Мне* ***ВСЕ*** *труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас...»* (Мф. 11, 28), и если при этом будем стараться жить по христианской совести в заповедях Христовых, каяться и исправляться, то несомненно будем идти по пути спасения. Ибо сказал Господь: *«Грядущего ко Мне* [и блудницу, и блудного сына, и разбойника, и гонителя, и мытаря] *не изжену вон»* (Ин. 6, 37). И это истинно так. У Господа нет лицеприятия. Он всех хочет спасти и в разум истины им прийти, ибо Он пришел взыскать и спасти погибшее овча, т.е. душу всякого погибшего грешника. Ведь само имя Иисус значит Спаситель. Спаситель кого? Погибающих грешников. Как Сам Он сказал: *«Не требуют здравии врача, но болящии»* (Мф. 9, 12; Мк. 2, 17; Лк. 5, 31). И кто увидит себя, что он – грешник, почувствует, что он погибает в обременении своих страстей, но с верой обратится к Спасителю погибающих грешников, тот и спасется какими-то судьбами Божиими: или через покаяние, или через какое-то промыслительное страдание. Но, естественно, при нашем благоразумном действовании.

Так, анализируя свою жизнь, читая Священное Писание, жития и поучения святых людей и видя (хотя и редко) живые примеры благочестия, мы должны стараться применять эти познания в повседневной жизни с понуждением себя на добрые дела и покаяние с исправлением.

Но, говоря об уподоблении святым (лучше же сказать, о взятии ориентира, образца поведения от жизни святых угодников и подвижников благочестия), мы должны правильно понимать значение слов «святость» и «благодать». Сегодня эти слова, к сожалению, зачастую отождествляют с дарами чудотворения и прозорливости. Дары сии превратились почему-то в глазах многих, даже благонамеренных людей, в своеобразный (и отнюдь неверный) критерий святости. Но послушаем, что говорят

о святости преподобные и богоносные отцы. Приведем по этому поводу цитату из «Посмертных вещаний» преподобного Нила Мироточивого Афонского:

«Святится тот, кто пьет Чашу, которую пил Сын и Слово Божие; только такой и свят (т.е. святит Имя Отчее) по благодати Святого Духа. Говорим, **тот есть во благодати, кто хранит заповеди Божии непоколебимо и пьет Христову Чашу**, – таковой получает благодать Святого Духа и святит Имя Божие. Да, пил Христос ее, но как пил? Не так, как воду (т.е. не была сладка вода сей Чаши), но Христос напоен был как горькою водою из горчицы, волею испив сию горькую и спасительную воду... Что же значит пить горчичную воду? – Пить горчичную воду, значит сносить презрение, которое Он претерпел волею, гонение, поругание, голод, жажду, ударения, темницу, бичевания, обиды, уничижения, послушание, пост, молитву, заушения от раба, обнажение риз, когда обнажили Его и о одежде Его метали жребий. Все сие Он терпел до смерти, смерти же крестной... Сия есть Чаша, которую пил Сын и Слово Божие... Тот, кто пьет сию Чашу безропотно, терпит скорби с благодарностью, – **тот есть во благодати почивающий**» (часть 1, гл. 23).

Вот чем приобретается спасающая душу благодать Святого Духа. И, как видим, ежедневно каждому из нас Промыслом Божиим предоставляется возможность возделывать свою душу – в том или ином виде проявлять верность заповедям Христовым, вкушать от той горькой Чаши, которую пил Христос, и уподобляться Христу, и пребывать во благодати Его. Здесь лишь бы было наше желание, а Господь непременно поможет. Он всегда дает благодать Святого Духа на каждое наше искреннее прошение, смирение, терпение и благое наше начинание. И тогда сила Божия совершается в нашей немощи.

Но нужно отметить, что иногда ощущение своей немощи бывает или очень долго, или очень сильно. На это есть какие-то воспитательные для нас причины. Чаще всего это бывает за наше осуждение кого-то или за самодовольство и гордость. Но каковы бы ни были немощь наша и ее причины, мы не должны впадать в малодушие. Просто надо знать, что это не есть оставление нас Богом, а Божественная забота о нас – отсечение, искоренение в нас самодовольства и самонадеянности; Божественная «терапия», врачующая душу и готовящая ее к посещению Благодати – ибо тщетен любой труд, терпение и подвиг, если он осквернен гордостью. Итак, «наше дело, – говорит преподобный Ефрем Сирин, – всякое добро предначать своей свободной волей, а завершить его – дело благодати Божией». То есть, только с помощью благодати завершается в нас и нами всякое благое дело, главное из которых – покаяние.

Пусть не унывает никто. Каждому из нас (и расслабленному, и блудному, и прокаженному, и мытарю, и разбойнику) есть надежда на спасение, лишь бы мы обратились к покаянию и, образно говоря, «ухватились за ризу Христову». И это подтверждается на множестве примеров, совершающихся вокруг нас, ибо Господь один и Тот же и вчера, и сегодня, и вовеки. Он намного больше хочет нам дать различных даров, дать благодати Святого Духа, нежели мы хотим и мо-

жем ее принять. А потому нам только нужно приготовлять свои души к принятию этих даров смиренным о себе думанием и чувствованием и постоянством в борьбе с грехом.

Помоги же нам, Господи, осознать всё это и правильно настроиться на духовную жизнь – чтобы, прочтя какое-либо «Житие», мы не закрывали его, сразу забыв о прочитанном, но постарались сделать выводы, которые мы действительно можем применить в своей практической повседневной жизни.

Однако при этом нужно не забывать еще и того, что поскольку Господь рек *«без Мене не можете творити ничесоже»* – ничего доброго – то, следовательно, и правильно применить в жизнь то, о чем мы прочитали в «Житиях», также не сможем сами от себя. Потому об этом также нужно молиться. Можно, конечно, просить у Господа помощи своими словами. А кто пожелает, можно молиться вот этой нижеписанной молитвой, которую мы встретили в «Православном молитвослове на всякую потребу», изданном минским Свято-Елисаветинским монастырем:

Молитва перед чтением духовных книг

Господи, Иисусе Христе, открой мои очи сердечные, чтобы я, услыша Слово Твое, уразумел оное и исполнил волю Твою. Не скрой от меня заповедей Твоих, но отверзи очи мои, чтобы я уразумел чудеса от закона Твоего. Скажи мне безвестное и тайное премудрости Твоей! На Тебя уповаю, Боже мой, и верую, что Ты просветишь ум мой и смысл светом разума Твоего, и что тогда я не только прочту написанное, но и исполню оное. Соделай, чтобы я не в грех себе жития святых и Слово Твое прочитал, но во обновление и просвещение, и в святыню, и во спасение души, и в наследие жизни вечной. Ибо Ты, Господи, просвещение лежащих во тьме, и от Тебя есть всякое даяние благое и всякий дар совершенный. Аминь.

Тихая лесная обитель

История Свято-Тихоновского монастыря

Глава 7

Известно что во время Великой Отечественной войны в бывшем монастыре размещались офицерский госпиталь и школа военной разведки. Тогда, по рассказам задонских старожилов, здешняя «итальянского стиля» колокольня разделила судьбу своих сестер, гордо возвышавшихся вдоль Дона в каждом из четырех Задонских монастырей. Приближалась линия фронта, и возникли опасения, что монастырские колокольни послужат отличным ориентиром немецким артиллеристам при обстреле из-за Дона. А потому все они были разобраны до нижних ярусов.

Современный вид монастыря

Дальнейшим разрушениям опустевшая обитель подверглась в 1950-60-е годы, когда сохранившиеся здания перестраивали под нужды размещенного здесь психоневрологического интерната. Соборную Троицкую церковь, снеся купола, перестроили в 2-х этажное здание: наверху разместился кинозал для больных, а внизу — столовая и кухня с соответствующими службами. От братской трапезной, старого настоятельского корпуса и деревянной церкви во имя свт. Тихона, разобранной после войны на стройматериалы жителями ближней округи, не осталось и следа.

Стерто с лица земли было и монастырское кладбище. Часть надгробий использовали как блоки при устроении фундаментов новых построек, часть свалили в отдаленном углу за бывшей монастырской оградой, где они и лежали долгие годы, покрываясь слоем мха, зарастая травой и кустарником. По информации, приводимой И. Ивановой, одно из надгробий, высеченное из белого камня в виде аналоя с лежащими на нем крестом и Евангелием, было оштукатурено и приспособлено под постамент для гипсового бюста «вождя революции»...

В 1989 неподалеку от бывшего монастыря во имя св. Тихона был выстроен новый типовой комплекс, в котором и разместился психоневрологический интернат, столь долгие годы квартировавший в стенах обители. Благодаря настойчивости митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия (Немцова), действовавшего при поддержке Святейшего Патриарха всей Руси Алексия II, комплекс зданий бывшего Тихоновского монастыря, а вернее то, что от него

что от него уцелело, был возвращен Церкви. Официально передача монастырских зданий была оформлена решением Липецкого облисполкома от 29 апреля 1991 года. Распорядителем возвращенного стал Задонский Богородицкий монастырь». Так, в частности, в постановлении говорилось: «Передать безвозмездно в собственность Задонскому Богородицкому мужскому монастырю для восстановления и использования по назначению здания и строения бывшего психоневрологического интерната, как ранее принадлежавшие монастырю (скиту), так и построенные, с прилегающей территорией в пределах бывшей монастырской ограды».

Строителем скита Богородицкой обители, созидаемого на руинах, был поставлен благословением правящего архиерея архимандрит Петр (Кучер), прибывший в Липецко-Елецкую епархию по весне 1991 года. За ним в восстанавливаемый монастырь потянулись и его духовные чада. Это были девицы и женщины, решившие искать спасения на стезе монашеской. Так что уже вскоре числившийся на бумаге «скит мужского монастыря» стал на деле женской общиной, активно добивающейся статуса самостоятельного монастыря при полном согласии строителя, посланного епархиальным руководством для воплощения в жизнь несколько иных задач.

А 2 октября 1993 года Священный Синод Русской Православной Церкви учредил своим постановлением Свято-Тихоновский Преображенский женский монастырь.

Впрочем, в Воронеже явного неудовольствия по этому поводу не высказали — ведь темпы восстановления монастыря заслуживали лишь похвалы. Этому способствовал изобильный приток средств доброхотных жертвователей, которых все больше и больше притекало в затерянную в лесной глуши обитель.

Но вот то, что эти средства привлекало, также не могло вызвать одобрения епархиального управления. Дело в том, что с первых дней пребывания под Задонском, о. Петр стал проводить так называемые «массовые отчитки» — чин изгнания бесов, совершаемый одновременно над группой страждущих.

Официальная Церковь, признавая необходимость противостояния воинству «князя мира сего», всегда обращала внимание на опасность этой борьбы. И уж конечно, никогда не одобряла массового применения чина изгнания бесов. «Этот чин должен совершаться опытным священником над одним человеком, который явно одержим злым духом. Массовые "отчитки" появились лишь в последнее время, как нарушение принятого в Церкви порядка совершения этого чина. Участвовать в них опасно и для духовного и для психического здоровья», — замечает по этому поводу Алексей Осипов, профессор Московской Духовной академии.

Вид на святой источник

Меж тем на деле отчитки привлекали большое число паломников, в том числе и весьма влиятельных. Среди них оказались А. Д. Белянский, работавший тогда главным инженером АО «НЛМК» и заместитель главного бухгалтера комбината Т. В. Покровская. Они, будучи людьми верующими, прониклись сочувствием к трудам отца Петра и способствовали установлению тесных контактов обители и металлургического комбината, с июня 1992 года ставшего основным благотворителем восстанавливаемого монастыря.

Благодаря столь серьезной поддержке уже в следующем году были фактически заново выстроены Троицкий собор и колокольня. Их строительство велось по проектам липецкого архитектора А. Д. Зарубина.

Новопостроенный Троицкий храм был освящен 17 апреля 1993 года. Чин освящения совершал митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий (Немцов). Строительство колокольни завершилось в течение 1994 года. А зазвонили колокола здесь еще с зимы.

В 1994-95 годах был выстроен трехэтажный корпус из красного кирпича, где разместились кельи сестер и трапезная.

И вот наступил год 1996-й, ставший последним годом пребывания отца Петра в восстановленной его трудами обители.

21 марта 1996 года указом правящего архиерея в Свято-Тихоновский Преображенский женский монастырь была назначена настоятельница — ею стала насельница Алексеево-Акатова монастыря в Воронеже монахиня Дорофея (Ермачкова).

Настоятельница стала активно исполнять вверенные ей обязанности, и за весну-лето 1996 ее отношения с духовником монастыря (такой статус был закреплен за о. Петром) обострились до такой степени, что верные архимандриту сестры решили изгнать мать Дорофею. В конфликт вмешалось епархиальное руководство. 3 сентября 1996 года в монастыре состоялось собрание с участием 62 священнослужителей. Они единогласно осудили безпорядки в монастыре. Семнадцать насельниц за нарушение монастырского устава были удалены из обители. Отцу Петру было предложено принести покаяние за неоднократные канонические нарушения. Он не согласился с выводами собрания и, в итоге, с частью сестричества покинул монастырь.

До 2003 года в обители более не было каких-либо серьезных нестрое-

ний. Здесь продолжало вестись активное строительство при поддержке не оставляющих монастырь благотворителей. Во многом способствовало успешному созиданию то, что мать Дорофея в миру получила высшее строительное образование.

В 2000 году монахиня Дорофея, настоятельница Свято-Тихоновского Преображенского женского монастыря, была возведена в сан игумении. Произошло это на третий день Пасхальной седмицы в ходе посещения монастыря митрополитом Воронежским и Липецким Мефодием. Правящий архиерей Воронежско-Липецкой епархии совершил здесь Божественную литургию, во время которой и состоялось возведение матушки-настоятельницы в сан игумении с вручением жезла.

В 2002 году игумения Дорофея уклонилась от участия во Всероссийской переписи населения сама и увлекла за собой часть сестер. Решением правящего архиерея — митрополита Мефодия (Немцова) — виновные в нарушении его прямых указаний об участии в переписи были удалены из обители. Рапорт о происшедшем был представлен в Синод и оглашен на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви, проходившем 7 мая 2003 года. Рассмотрев «рапорт митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия об освобождении игумении Дорофеи (Ермачковой) от должности настоятельницы Свято-Тихоновского Преображенского женского монастыря в городе Задонске Липецкой области», Священный Синод постановил «освободить игумению Дорофею (Ермачкову) от должности настоятельницы Свято-Тихоновского Преображенского женского монастыря в городе Задонске Липецкой области».

На этом же заседании Синода был рассмотрен вопрос о разделении Воронежско-Липецкой епархии на две самостоятельные — Воронежско-Борисоглебскую и Липецко-Елецкую. С тех пор Свято-Тихоновский Преображенский женский монастырь находится в ведении Липецкой епархии. Заботы об устроении неспокойной обители легли на плечи епископа Липецкого и Елецкого Никона (Васина), возглавившего новосозданную епархию.

Из сестричества лесного монастыря владыка Никон избрал монахиню Зинону (Дееву) и назначил ее старшей сестрой. Рапорт Преосвященного епископа Липецкого и Елецкого Никона об утверждении монахини Зинона (Деевой) настоятельницей Свято-Тихоновского Преображенского женского монастыря города Задонска Липецкой области был рассмотрен на заседании Священного Синода 17 августа 2004 года. Было вынесено постановление: «Утвердить монахиню Зинону (Дееву) настоятельницей Свято-Тихоновского Преображенского женского монастыря города Задонска Липецкой области с возложением наперсного креста по должности».

С этого времени труды сестер обители продолжают идти в должном для монастыря порядке. 8 апреля 2007 года настоятельница Свято-Тихоновского Преображенского женского монастыря г. Задонска монахиня Зинона (Деева) была удостоена сана игумении. Возведение в сан совершил Никон, епископ Липецкий и Елецкий, в ходе богослужения в Христо-Рождественском кафедральном соборе города Липецка.

Л. МОРЕВ

Когда веру подменяет доверчивость...

Человек верующий, но малоискушенный, «простец», как именовали таковых во времена св. Тихона Задонского, обычно доверчив. Все, что говорится ему «во славу Господа», воспринимает без сомнения, не задумываясь, сколь искренен или сведущ говорящий. Отсюда, во многом, происходят и разные скорби, являющиеся на протяжении веков в жизни Церкви. Не случайно еще в пору становления Церкви Христовой апостол Павел строжайше предупреждал верного своего ученика: «*Негодных же и бабьих басен отвращайся*» (Тим. 4,7). Вот и ныне видим мы иных «старцев», а то и «пророков», своими проповедями сеющими смуту в сердца православные.

Так что, хоть звучат со страниц иных современных изданий в адрес «Духовного регламента» Петра I во многом заслуженные упреки в излишней жесткости, но с водой здесь, как говорится, выплескивают и ребенка. Отсутствие серьезных церковных смут в последующий период обусловлено в том числе и тем, что епархиальные консистории неукоснительно соблюдали, в частности, требование Регламента следить за всякими видами «религиозных вымыслов»: «Не проявляет ли кто для скверно-прибытства ложных чудес при иконах, при кладезях, источниках и прочая? И таковые безделия запретить со угрожением клятвы на противляющихся упрямцов». А также: «Аще где проявится нетленное тело, или пройдет в слух видение сие или чудотворение, Коллегиум долженствует испытывать тоя истины, призвав к допросу оных повестителей, и прочих, которые о том свидетельствовать возмогут».

Именно этими строками и руководствовалась Воронежская духовная консистория и светские власти как Воронежской губернии, так и Задонского уезда, когда на начальном рубеже 1880-х годов среди местных «простецов»

распространяться слухи о лежащих под спудом «святых мощах» некоего старца

Правящий архиерей Воронежской епархии в 1865-1886 г.г., архиепископ Серафим (Аретинский)

Пахомия, подвизавшегося в этих краях в веке XVIII. И ладно бы, среди простецов...

О том, что рассказывали про старца, свидетельствуют строки из письма епископа Никона (Рождественского), побывавшего в те дни в Задонске: «Наконец проехали по улице, где нам указали место, привлекающее с прошлого года внимание каждого богомольца. Это могила безвестного старца Пахомия, который в прошлом году четыре раза являлся одной близ живущей девице, требуя, чтобы она сходила к архимандриту и попросила его молиться за почивающего. Понятно, что ее видение огласилось, стали стекаться народные толпы на указанное место. Один из живущих в Задонске, имевший скорченные ноги и более 30 лет ползавший на коленях, на могиле Пахомия получил совершенное исцеление. Конечно, в дело вступилась полиция, усердным помощником которой оказался местный о. протоиерей. Ночью был снят надгробный камень и брошен в Дон. Народ, выбирая землю руками, разрыл большую яму. Ее зарыли, но каждый день разрывают толпы народа. Полиция разгоняет, но без успеха. Заявления об исцелениях продолжаются. Один кощунник дерзнул осквернить могилу, за что наказан внезапною смертью». И как далее поведал тогда еще новопостриженному монаху Никону настоятель Задонского Богородицкого монастыря архимандрит Димитрий (Григорьев): «Дело известно уже митрополиту Исидору [Никольскому, митрополиту Санкт-Петербургскому], и местный владыка [Серафим (Аретинский), архиепископ Воронежский и Задонский] хочет окопать могилу и, если окажется гроб, перенести [его] в приличное место. Между тем один старик (столетний) засвидетельствовал, что от прадедов слышал о старце Пахомии, одном из братий задонских, который в уединении жил в лесу и которого поминали все в своих помянниках. Этого старика когда-то пригласил один старый иеромонах раскопать ночью могилу, что и удалось им сделать: "На меня, — говорил старец, — напал такой страх, что я не мог дотронуться до гроба, но помню — иеромонах мне говорил: нетленные мощи здесь почивают!" То же подтвердил еще один старик, который сам раскапывал могилу лет 30 назад».

Итак, старики свидетельствовали, исцеления совершались. Известия об этом распространялись паломниками, побывавшими в Задонске, по другим монастырям.

Как сообщается в жизнеописании преподобного Амвросия Оптинского, «Старец... письмом посоветовал больному съездить в Задонск, отслужить там панихиду о упокоении подвижника Пахомия, взять часть раскопанной земли с его могилы и растереть ею больные ноги. Больной в точности исполнил совет Старца, и не поддававшаяся медицинским пособиям болезнь совершенно прошла...»

Дошли известия о «старце Пахомии» и до Св. Синода, и до правительства. Делом о старце занялся министр внутренних дел, направивший в Воронеж предписание губернатору от 23.12.1880 года за N 4888, рекомендовавшее «в присутствии народа» провести раскопки на месте предполагаемого захоронения подвижника Пахомия. Синод, со своей стороны, на запрос губернатора, также рекомендовал: „раскопать в присутствии народа место, считающееся могилой схимонаха Пахомия с тем, что если там окажется гроб, то перенести оный в ограду Задонского Богородицкого монастыря для предания земле".

А потому весной 1881-го вскрытие предполагаемого захоронения было все-таки произведено. Причем, раскопки возглавил сам Воронежский губернатор. Текст справки, подготовленной им для МВД по итогам поиска могилы Пахомия, приводит И. П. Тарадин в своей работе «Задонский Богородицкий монастырь и святой Тихон».

Днем вскрытия захоронения, после беседы губернатора и правящего архиерея, назначили 27 апреля. Слух об этом мгновенно распространился не только по Воронежской, но и соседним губерниям. И еще до 27-го Задонский исправник доносил, что «о всех мест едут и идут в Задонск массы народа, что говор идет уже не об открытии могилы, а об открытии мощей нового угодника». На

Воронежский генерал-губернатор в 1880-1881 г.г., А. И. Дондуков-Корсаков

случай волнений, в помощь местной воинской команде были вызваны «нижние чины запаса», проживающие в округе. Из них сформировали временную воинскую часть численностью около 100 человек.

И вот, сообщает в МВД губернатор, «27 утром я выехал на место... выгон был покрыт народом, приблизительно было около 20 тысяч. В копальщиках недостатка не было; много мещан, купцов и

даже богатых (особенно много было из Ельца) просили позволения копать. По указанию стариком места приступили к раскопке в двух местах. На небольшом расстоянии от указанного были вырыты небольшие ямы, откуда богомольцы брали землю, унося с собой как целебную, я приказал раскопать и эти места. Начался говор, что кто-то указывал на 5 шагов правее, другие указывали на новое место. Чтобы не оставить сомнений, я позволил копать, где им угодно. Через несколько часов место раскопки представляло уже сплошную яму в квадрате не менее 6 саж., но везде на глубине 2 арш. была залежь камня, какой существует во всей местности кругом Задонска, и нигде не видно было ни признака существования могилы. Начались толки, что святой передвинулся на другое место и другие нелепости. Видя, что невозможно урезонить толпу собравшихся с твердой верой отыскать что-то, я, чтобы через запрет не оставить сомнения в умах и поводов к говору, дозволил упражняться в копании сколько им угодно, тем более, что безпорядков никаких не было. Толпы народа, однако же, к вечеру стали сильно редеть, остались только ревнители и зеваки не более 3-4 сот. Приказав отобрать от них подписки, что зароют вырытое, я не счел нужным запрещать проявлять дальше свое, хотя и безцельное, усердие. 28 вечером, выезжая обратно в Воронеж, я заехал на место рытья, оно продолжалось, но уже осталось человек 200, не больше, хотя любопытные со всего города постоянно наведывались».

Только к 5 мая, как доносил задонский исправник, рвение задонцев к открытию Пахомия поохладело. «Роют прихожие богомольцы, которые полицией приглашаются из того места уходить. Лопаты, ломы и другие орудия вчера много забраны для раздачи владельцам их», — сообщал исправник.

Итак, обретение мощей безвестного подвижника благочестия не состоялось, несмотря на обилие «стариков», лично докапывавшихся до гроба угодника, что фигурировали в рассказах, изложенных в приведенном выше письме тогда еще монаха Никона (Рождественского).

Что ж, могло быть, что Господь неизреченным Промыслом Своим оставил праведника почивать до времени под спудом? Могло. Но вряд ли так было в этот раз.

Губернатор, видимо, опираясь на местный полицейский аппарат, провел небольшое личное расследование предыстории событий. И она открылась ему совсем не такой, какой виделась доживавшему свои дни архимандриту Димитрию, отгороженному от мира не только стенами монастырскими, но и физической слепотой, постигшей его за несколько лет до кончины.

Вот еще строки из записки, направленной в МВД Воронежским губернатором: «Всю эту историю выдумал, видимо, старик лет 80, Задонский же мещанин Ханин, один из тех странников по святым местам, которые с годами усваивают не только одежду (черную ряску и скуфью), а и пошиб монашеский, по старости же с примесью юродства, россказни которых народ слушает с особенным вниманием и верой. Когда я спросил его — почему он знает место, где погребен Пахомий, он рассказал мне, что на том месте был лес, прилегающий к городу, и в лесу лежал большой булыжный камень. Когда он, лет 40 назад, заснул около этого камня, то во сне видел святого, который сидел перед ним и плакал. Почему же узнал, что его зовут Пахомий, — давно еще одна женщина, которая молилась на этом месте, исцелилась от болезни, видала во сне же угодника, объявившего ей, что его зовут Пахомий. Такого рода рассказы... при постоянном наплыве богомольцев в Задонск стали быстро распространяться, разрастаясь в невозможные легенды, и все богомольцы, приходящие в Задонск, ставили долгом посетить могилу угодника Пахомия. Леса давно не было, был городской выгон, и город, разрастаясь, двинулся до самой предполагаемой могилы. Камень, по рассказам, был когда-то разбит, но старик положил на этом месте другой, в виде надгробного, с высеченным крестом. Хозяин избы, стоящей вплоть около указываемого места, воспользовался легковерием народа, заказал образ Пахомия, нарисованный со слов старика, каким тот видел его во сне, затеплил перед ним лампадку, зажег свечи, поставил кружку и начал собирать деньги на свечи, пока не был привлечен за это к суду и по приговору присужден на 7 мес. в тюрьму»...

Получается, что история «старца Пахомия» сводится к вовремя и в нужном месте объявленным «вымыслам», которым столь жестко и непримиримо противостоял «Духовный регламент». С ним, кстати, в этом вопросе согласен был св. Тихон Задонский. Святитель подобное приравнивает к воровству и хищению. Воровство бывает трех видов, как пишет он: «Три суть главнейшие хищения роды, а именно: явное, тайное и лестное». К «лестным» похитителям «причисляться должны и лицемеры, которые под видом притворныя святости или беззаконным вымышлением мощей, аки бы святых, или икон будто чудотворных простый народ обольщают к подаянию», — читаем мы в «Слове о хищении», включенном в сборник «Слова, говоренные к Воронежской пастве».

Меж тем имя «старца Пахомия» не предано забвению. Возникает он, уже с двумя сподвижниками во втором томе поэтического сочинения иеромонаха Афанасия (Медведева) «Благословенный лик Придонья» (Липецк, 2000 год); фигурирует в списках Задонских подвижников благочестия на некоторых Интернет-сайтах и т. п.

А ведь ни один дореволюционный историк, писавший о Задонских святыних и подвижниках, включая дотошного собирателя местных преданий о. Геронтия (Кургановского), имя Пахомия не упоминает. Надо понимать, не случайно и вовсе не от маловерия...

Л. МОРЕВ

P. S. Но как же совершавшиеся «на могиле» исцеления? Все просто: *«по вере вашей да будет вам»*, — сказал Сам Спаситель (Мф. (9, 29). Значит, велика была вера болящих, моливших Господа об исцелении. Тем более, что искренние свои молитвы возносили они в Задонске, городе, на котором почивает благодать подвига св. Тихона Задонского.

ОПТИНСКИЙ СТАРЕЦ

Жизнеописание схимонаха Иоасафа (Моисеева)

Жизнь одного из последних Оптинских старцев преподобного Иоасафа (Моисеева), скончавшегося 7 апреля 1976 года, практически неизвестна православным христианам наших дней. Жил он в затворе, в провинциальном городке Грязи Липецкой области. Сохранившиеся и опубликованные сведения о нем настолько скудны, что из них трудно получить представление об этом подвижнике. Но Всеблагий Бог, прославляющий дивных угодников Своих, заботится и о сохранении памяти о них в христианском роде. Память о преподобном Иоасафе не исчезла, несмотря на его сокровенную и скрытую от мира жизнь. Его облик предстает перед нами в воспоминаниях его келейницы схимонахини Николаи, являющейся ныне насельницей Псковского Снетогорского монастыря. Из ее рассказа можно видеть, какого исключительно высокого духа человек совсем недавно жил среди нас и какие неизвестные миру «работники» есть у Бога. Житие преподобного Иоасафа, дивного угодника Божия, есть свидетельство той утешительной истины, что земля Русская никогда не оскудевала великими молитвенниками, проводившими свою подвижническую жизнь в безвестности, в потаенных местах, и своей молитвой сдерживавшими натиск темных сил, стремящихся духовно низложить и уничтожить Россию.

Иеромонах Нестор (Кумыш)

Поступление в монастырь

Схимонах Иоасаф, в миру Петр Борисович Моисеев, родился в 1889 году в поселке Митинского чугуно-литейного завода (в настоящее время поселок Песоченский Суворовского района Тульской области). Его отец, Борис Кондратьевич, работал механиком на Митинском заводе, а мать Пелагея была домохозяйкой. Родители будущего подвижника были людьми набожными и благочестивыми и своих детей также старались воспитывать в религиозном духе. Еще до замужества Пелагея отправилась с подружками в Оптину пустынь, чтобы взять благословение у преподобного Амвросия на дальнейший жизненный путь. Старец всех ее подружек отправил в монастырь, а Пелагее назначил оставаться в миру и спасаться скорбями. «О, модница, – сказал он ей и при этом клюшкой по спине постучал, – иди в Скорбященскую обитель: у тебя будет много детей». Действительно, сын Петр был у Пелагеи тринадцатым ребенком, а всего семья Моисеевых насчитывала 15 детей. До революции супруги Борис и Пелагея со своими детьми жили в отдельном доме, держали скотину, имели небольшую кузницу со слесарным оборудованием и инструментом.

До 13-ти лет Петя жил в доме у матери, закончил местную сельскую четырехклассную школу, в приходской церкви пел на клиросе, а потом вот как вышло. Мать как-то, уходя из дома, дала детям задание снопы скошенной ржи собирать в копны, а они его не выполнили. Вместо этого взяли рожь у соседки и перенесли на свой огород. Та, конечно, обнаружив пропажу, пожаловалась Пелагее: «Ивановна, твои ребятишки что сделали: всю мою рожь к тебе перетаскали». Мать, разумеется, за такие дела их всех наказала, побила даже. И Пете попало. Он залез под кровать и давай плакать. Потом подумал: «Что я тут плачу? Пойду в Оптину». Вылез, оделся, никому ничего не сказал и за 30 верст пошел в Оптину. Уже к вечеру пришел в монастырь и говорит привратнику: «Батюшка, пропусти меня, я в монахи хочу». Привратник отвечает: «Какой из тебя монах? Сколько тебе лет-то?» – «Тринадцать с половиной», – ответил Петя и начал настойчиво упрашивать привратника. Тот видит, что мальчонка не шутит, пошел докладывать настоятелю отцу Мелетию. Настоятель выслушал привратника и велел пропустить. Петю привели к отцу архимандриту, разузнали, кто он, откуда, потом проверили голос. Настоятель духовный был человек и в приходе Пети распознал волю Божию, сразу почувствовал в мальчике что-то особенное и говорит ему: «Тебе сейчас нужно вернуться домой. Ступай, монастырский брат тебя проводит. А потом возвращайся, но с отцом и документами. Тогда мы тебя непременно возьмем».

Пока Петя в Оптину ходил, дома переполох поднялся. Мать в трево-

---

[1] В публикации использованы материалы иеромонаха Нестора (Кумыша) и схимонахини Николаи, являющейся ныне насельницей Снетогорского монастыря.

ге и слезах, плохо с ней делается, что ребенок пропал. Когда мальчик на пороге показался, она к нему навстречу и с радостью, и с упреками бросилась: «Ох, Петя, что ж ты со мной сделал?» Он ее успокаивает: «Мамочка, мамочка, не плачь, я уже монах, меня в монастырь берут. Мне в рухольной смерили подрясник и сказали, чтоб я пришел с папой». Когда отец, вернувшись с завода, все узнал, то решил: «Пусть идет, хоть один будет монахом, я его провожу». И вот отец повел его в монастырь. Довел до святых врат и остался там ждать, сам в монастырь не пошел. Долго ждал. Прошло порядочно времени, а Петя все не возвращается, чтоб с отцом попрощаться. Тогда отец не выдержал и вызывает его через послушника. Петя выходит из врат и говорит: «Папа, здесь – как в раю, я и забыл, что ты меня ждешь. Иди, я тут остаюсь».

В обители

Поступив в обитель, Петр, обладавший красивым тенором, нес поначалу клиросное послушание. На службу приходилось вставать рано, в три часа ночи. Тишина, все спят, а они молятся. Однажды монахи решили подшутить над новичком. Довелось ему канонаршить. «Изведи из темницы душу мою... Мене ждут праведницы...» – возгласил Петя. А монахи отвечают: «Грешницы тебя ждут». Петя не выдержал и засмеялся. За это его наказали поклонами и лишением обеда. И вот все на трапезу пошли, а он в храме остался поклоны класть. И обидно, и есть хочется, и стыдно в то же время за свой проступок.

Одновременно он обучался в монастырской ремесленной школе слесарному ремеслу. Впоследствии ему, как человеку, приобретшему в доме своего отца и в монастырской школе навыки слесарного производства, приходилось трудиться и на послушаниях, связанных со слесарным делом. Но недолго он пробыл в монастыре. В 1910 году оптинский послушник Петр Моисеев, овладевший в обители приемами ремесленно-слесарного мастерства, был призван в 6-й драгунский Глуховский полк в качестве младшего оружейного подмастерья, где со временем получил звание младшего унтер-офицера. Следует сказать, что военные призывы довольно часто опустошали монастырь. В жизнеописании преподобного Нектария Оптинского говорится: «Года через два по поступлении преподобного Нектария в скит вышло распоряжение властей о высылке из обители всех послушников, подлежащих военному призыву. "И мне, – рассказывал позже отец Нектарий, – вместе с другими объявили о высылке из скита. Но, к счастью моему, по святым молитвам старца Амвросия, опасность эта миновала"» (Преподобные старцы Оптинские. Жития и наставления. Оптина пустынь).

Оптина пустынь.
Послушник Петр Моисеев,
будущий схимонах Иоасаф. 1900-е гг.

Целых восемь лет пребывал в разлуке с Оптиной послушник Петр. В 1918 году, после окончания первой мировой войны, Петр Моисеев был демобилизован из армии и вернулся к себе на родину, в поселок Митинского завода, и некоторое время, до окончания гражданской войны, проживал в доме родителей.

Восьмилетняя служба в армии, два года кровавой междоусобицы, перемена власти в стране и начавшиеся гонения не внесли изменений в духовную настроенность будущего старца. В 1920 году Петр при первой же открывшейся возможности возвращается в Оптину пустынь и вновь вступает в иноческое братство. Однако и на этот раз его пребывание в обители было недолгим, но теперь уже по другой причине. В 1923 году власти закрыли монастырь, а Петр Моисеев, разделяя участь монастырской братии, в числе оставшихся 75 монахов был отправлен в Калугу, где в течение двух лет вместе с другими насельниками обители находился на принудительных работах. С этого момента для него наступает полоса гонений, которая продлится в его жизни 30 лет и закончится в 1954 году.

Схимонахиня Николая (Яковлева), келейница отца Иоасафа, вспоминает рассказы старца о том времени:

«Когда закрывали монастырь, монахам сказали: "Живите, только это будет называться артель, а не монастырь". Поэтому они уже начали уходить, кто куда. Вольные уже были. Потому что и послушания уже изменились. Власти руководство свое поставили, которое стало свои порядки вводить: "Вот тут нельзя, это нельзя". И начали они разбредаться. А перед закрытием монастыря батюшка стоит как-то в храме и слышит от иконы Матери Божией голос: «Возьми Меня, а то обдерут Меня». И он взял Казанскую Матерь Божию. Она чтимая была, убранная драгоценными камнями. Но уже описана была властями. Настоятель пропажу заметил и объявляет: "Кто взял икону, положите ее на могилу отца Амвросия". И тогда о. Иоасаф ее положил на могилку о. Амвросия. И впоследствии все украшения и риза позолоченная на иконе были сняты. Но все-таки батюшка кое-что спас. Монастырь уже был закрыт, а ключи были у одного монаха, и он его пригласил проститься с монастырем. И вот висит схима, предположительно, отца Амвросия, и тот монах отдал ее о. Иоасафу. Потом перед заключением в лагеря он передал эту схиму козельским монахиням на хранение. После ссылок инокини вернули ему схиму. По смерти батюшки она попала ко мне, а я уж отдала ее в Оптину. Поначалу, когда обрели мощи преподобного Амвросия, его останки одели в эту схиму».

(Продолжение следует)

«Господь вчера и днесь Той же и во веки»

О монахе Давиде и о жизни в пустыни

Часть 1

Вопрос: *Отец Константин, когда вы с братом Михаилом (будущим монахом Давидом) начали свое пустынническое житие, какая началась жизнь внутренняя и внешняя? Вы говорите «серые будни» — что они из себя представляли?*

Ответ: Это — обычная монашеская брань с помыслами, со своими страстями, мирскими привычками, искушениями, которые были и от бесов, и от людей...

Конечно же, как все новоначальные, совершали много ошибок. Замечено, что враг повторяет искушения с новоначальными. Искушает их своеобразным, определенным видом искушений. Так, к примеру, нам сразу враг подсунул следующие искусительные вопросы. Первый: «Кто спасается, а кто не спасается?» Второй — о имяславцах: «Имяславцы — это ересь или не ересь?» И третий: «Откуда берется человеческая душа?» — у святых отцов такого прямого указания по этому вопросу мы еще не встречали.

И вот начали мы... так сказать, «желторотенькие птенцы», такие вопросы решать. И враг, конечно, смеялся над нами. Как правило, разговоры с подобным умствованием оставляли неприятный осадок на душе. Каждый из нас высказывал что-то свое. А поскольку нас в том месте жило два иеромонаха и шесть послушников, то услышать иное мнение было несложно. Давид чаще отмалчивался, и по этой причине некоторые его подозревали, что он «инакомыслящий» — мол, что-то тут не так...

Слава Богу, в свое время до нас дошло, что все это — искушение.

Относительно имяславцев нас очень хорошо вразумил о. Кассиан. Спаси его Господи. Пришли как-то раз к нему братия из нашего братства и начали жаловаться:

— Вот мы не можем разобраться в вопросе об имяславцах... Как к этому явлению относиться?

Отец Кассиан послушал, послушал и говорит:

— Эх, вы! Вы еще не научились говорить имя Иисус правильно. Там два «И», а вы говорите «Исус». Вы сначала научитесь это Имя произносить, а потом будете о чем-то другом рассуждать. Пришли, понимаешь, такие зеленые, а уже начали вопросы мудреные решать, как богословы!..

И мы поняли, что не с нашим «носом» лезть в разборку таких вопросов... Приняли это близко к сведению для себя, и эти вопросы улеглись. Потом нам уже и предлагали почитать книгу схимонаха Илариона «На горах Кавказа», но мы категорически отказались, чтобы, по пословице, «не ходить там, где скользко».

И вот что при этом интересно. Когда лет через 25 после описанных событий я приехал однажды на Новый Афон — увидел то же самое. Во-первых, поднялся вопрос о имяславцах — что-то там на эту тему начала монастырская молодежь обсуждать, сидя на лавочках во дворе. Но этого мало. Прошло несколько дней, пошел я в пещеру апостола Симона Кананита[1]. Нагоняю по дороге трех молодых братьев-монахов. Идут они к пещере и разговаривают весьма активно. Подойдя к ним, спрашиваю:

— О чем это вы так жарко спорите?

---

[1] Место, где в I веке по Р.Х. жил, проповедовал и принял мученическую кончину апостол от 12-ти Симон Кананит. Пещера находится примерно в 1,5 км от Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря *(прим. ред.)*.

— Да вот мы здесь разбираем интересные вопросы. Кто спасается, а кто не спасается? И откуда берется человеческая душа? Может, скажешь что-то нам по этим темам?

Вот, думаю, искушение! Как враг смеется над нашей доверчивостью помыслам — просто издевается! Нам 25 лет назад эти же вопросы подсунул. И теперь этим новоначальным, еще почти безбородым юношам, те же самые вопросы подставляет как камни, чтобы они спотыкались и падали. Вот так враг ловит нас на одни и те же мысленные крючки, на которые мы очень охотно клюем, а потом страдаем.

Вопрос: *Наверняка, начав пустынническую жизнь, вы подъяли молитвенный подвиг? О своем правиле Вы ничего не скажете?*

Ответ: Не скажу. Этого нельзя говорить. Мы раньше этого не знали и крепко от этого пострадали. У нас было значительное правило, и оно благотворно действовало на душу. Но вот однажды пришли мы к одному духовному лицу, и поскольку была как бы благословная причина, рассказали ему о своем правиле... конечно же, с некоторым самодовольством. А потом... Вернувшись в келию, почувствовали отягощение. С того времени все труднее и труднее начали мы исполнять свое правило, пока почти совсем не забросили его. Слава Богу, Господь не оставил нас без вразумления. Вскоре пошли по какой-то надобности к отцу Кассиану и завели об этом речь. Он на нас так удивленно посмотрел и говорит:

— А разве вы не знали, что о своем правиле нельзя никому рассказывать?

— Нет...

— Если о своем правиле рассказал, то ты уже его или совсем перестанешь исполнять, или если и будешь исполнять, то с большим трудом или с большим недостатком по количеству и по качеству (по благотворности на душу).

Личное правило, исполняемое пред Богом, — это тайна своего рода, потому что в этом духовном акте происходит общение души с Богом. Тем более, если кто будет рассказывать о своем личном правиле с тщеславием... тогда всё! — «гроб» будет для этого правила. Так что нужно иметь в виду, что кроме духовника, давшего правило, никто больше об этом не должен знать.

Вопрос: *А внешняя жизнь? О внешней жизни расскажите...*

Ответ: Пустынная монашеская жизнь, конечно же, имеет свои характерные особенности. Одна из них — это физический труд. Помню, в свое время я читал тропарь преподобному Серафиму Саровскому и недоумевал: почему в тропаре написано «молитвою и трудом в пустыни подвизался еси»? Почему именно «молитвою и трудом», а не «молитвою и постом»? И вот когда я оказался в подобной лесной пустыни, то увидел, что труд здесь — необходимое условие жизни.

Конечно, кто больше трудится, кто меньше. Каждый по силе. Допустим, у меня в миру было слабое здоровье, а когда пришел сюда, я почувствовал, что оно у меня окрепло. Приходилось работать и по своей келии, и другим помогать. Это — как дар Божий. Как говорится, какое кто принял дарование, тот в том и должен служить ближним. У Давида было слабенькое здоровье, поэтому он больше находился в келии, но тоже помогал по своей силе. Как сказано у апостола Петра: «*Служит ли кто, служи по силе, какую дает Бог*» (1 Петр. 4, 11).

Вопрос: *Вы пытались приобрести себе какое-нибудь монашеское рукоделие, чтобы заниматься им во время, оставшееся от исполнения молитвенного правила и необходимого физического труда?*

Ответ: Да, конечно. Читая святых отцов, мы старались делать так, как там написано, в том числе попытались заниматься рукоделием. Сначала я начал изготовлять крестики, но потом пришлось оставить. Попытались еще рамки для иконок делать — тоже неподходящим делом оказалось. Потом даже начали изготавливать Евангелия — маленькие такие, карманные. Но и это пришлось оставить, потому что при таком занятии нужно было иметь постоянную связь с миром, а нам это не подходило. Тогда мы перестали Евангелие делать руками, а стали больше его изучать умом. И так — в течение нескольких лет. Лет пять или семь у нас ушло на чтение Священного Писания и его изучение. Как Давид в своем «Письме» к Нине Григорьевне и брату Иоанну выразился, что «чтение и изучение — это совершенно разные вещи».[2] Ну, «совершенно разные» в том смысле, что люди сейчас в основном только ЧИТАЮТ Евангелие, но не заботятся, как же ИСПОЛНИТЬ то, что прочитали, на деле.

Вопрос: *Что Вы имеете в виду под словом «изучение»?*

Ответ: Изучение — это, фактически, кропотливый труд: чтение, подборка по сноскам, подборка по каждой теме (ищем все заповеди по Священному Писанию на конкретную тему); потом перебирается, в каких обстоятельствах применяется какая заповедь, что «за», что «против».

Допустим, прочитали: «*Не судите да не судимы будете*». Настраиваемся на то, что ни о ком и ни о чем мы вроде бы не должны судить. Но если «судить» понимать в смысле «рассуждать», то это уже кажется непонятным и неудобовыполнимым: неужели мы не должны вообще ни о чем рассуждать? Читаем дальше, встречаем заповедь: «*Но о сем паче судите, еже не полагати брату претыкания или соблазна*» (Рим. 14, 13). Вот и возникает вопрос: как мы можем эту заповедь исполнить, если не рассуждать: послужит ли то или иное наше действие соблазном и претыканием для ближних? Но при внимательном чтении встречаем

[2] См. этот отрывок «Письма» на стр. 31 (*прим. ред.*).

еще одну заповедь: *«Не судите по наружности, но праведный суд судите»*. Ах, вот оно что! Оказывается, суд суду — разница. Но тут — новое недоумение. Как же можно научиться судить не по наружности, а праведно? Это ведь при нашей глупости недостижимо. Изучаем дальше Священное Писание, имея внутри эту проблему. И вот встречаем изречение: *«Если у кого из вас не достает мудрости, да просит у Бога дающего всем просто без упреков, и дастся ему»* (Иак. 1, 5). Вот как! Значит нужно молиться еще и об этом, а не только о прощении грехов и исправлении жизни...

Так проходят дни в поисках, молитвах, рассуждениях, попытках что-то делать с переменным успехом и ошибками, с обличениями и советами со стороны... И так постепенно приходит (формируется, складывается) какой-то определенный вывод и более-менее правильное понятие, которое, естественно, многократно и многообразно сверяется со святоотеческим учением при помощи опытных в духовной жизни отцов-старожилов и, в первую очередь, старца Серафима (Романцова).

Если говорить о вышеупомянутом вопросе про «суд», то мы пришли к следующим выводам. Судить-рассуждать **о себе** нужно для того, чтобы самому не согрешить и не навести на грех ближних. А судить-рассуждать **о других** нужно, чтобы определить: грех он творит или не грех. Но не «просто так», а только с тем, чтобы не стать соучастником его греха. И если окажется, что это — грех, то, устранившись от соучастия, посострадать ему, помолиться за него и за себя, с помыслом, что, может, и я чем-то подобным согрешил. А если и не согрешил, то да сохранит Господь меня до конца от чего-то подобного: «Помоги, Господи, ему и мне избежать этого греха, этой сети диавола». Итак, мы судим-рассуждаем не с тем, чтобы кого-то осудить, а чтобы избежать пагубной диавольской сети.

Вопрос: *А что же тогда имеется в виду, когда говорится «не судите»?*

Ответ: Это говорится не в смысле «не рассуждайте вообще», а в смысле «не занимайтесь судом» — рассматриванием, «раскапыванием» чужих дел, которые вас вовсе не касаются. Ибо, как сказал апостол: *«Каждый своему Господеви стоит или падает, силен бо есть Бог поставити его»* (Рим. 14, 4).

Подобным образом рассматривались все наши недоумения. При этом занятии идет подробное обсуждение каждого изречения Священного Писания. И это — весьма отрадный труд. Главное, что очень необходимый, потому что он дает возможность преобразоваться умом: находясь в таком делании, со временем воспринимаешь слова Писания намного глубже и осознаешь, что это — познание и усвоение воли Божией. А оно ведь, это познание и усвоение, нам просто необходимо, чтобы жить по-христиански.

Мы не переставали удивляться, насколько широко, насколько всеобъемлюще в Священном Писании открыта нам воля Божия — как мы должны действовать в различных обстоятельствах нашей жизни. Действительно, убеждаешься в верности слов святых угодников Божиих, что ум наш должен как бы «плавать» в изречениях Священного Писания, чтобы на каждый случай жизни иметь готовое изречение. Когда только складывается какая-то недоуменная ситуация, вопиешь умом к Богу: «Господи, вразуми, как я должен в этом случае поступить? В чем я должен в этом случае отсечь свою грехолюбивую волю и какую должен при этом исполнить заповедь, чтобы сотворить Твою волю?» И вдруг вспоминаешь, что написано на эту тему в Священном Писании. Обычно душа чувствует, какую именно заповедь подобает исполнить в данной ситуации. И когда ее исполняешь, то душа становится мирная, спокойная и радостная. И искушения проходят — как бы и не искушения. А если начинаешь реагировать на них «по человеку», то идут смущение, недовольство, ропот, осуждение, обвинение всех и вся — всё окружающее тогда только раздражает и отягощает. А когда воспринимаешь каждый случай жизни, как случай, в котором ты должен побороться со своей той или иной страстью и исполнить ту или иную заповедь, тогда воспринимаешь всё тихо, спокойно, мирно, безо всякого смущения. И если тебя даже и оскорбляют, клевета какая-то идет или что-то еще неприятное — воспринимаешь это обстоятельство и этих людей как благодетелей. То есть с помыслом, что это Господь предоставляет мне возможность исполнить ту или иную заповедь: простить другому прегрешения его, помолиться за него, вспомнить свой грех, покаяться в нем и, таким образом, перенести это искушение благодушно, даже любя своего обидчика, оскорбителя и клеветника, через которого Господь решил меня очистить от грехов и страстей.

И вот при таком делании происходит преобразование души и чувствуется мирный дух. Не случайно говорит преподобный Марк Подвижник, что если ты в искушении чувствуешь смущение и изнеможение, значит, ты уже уклонился от духовного образа мыслей. А если поступаешь по духовному образу мыслей, тогда воспринимается и переносится всё благодушно.

Не раз мы с братом Давидом задавались вопросом: почему, читая ежедневно Евангелие и апостольские послания — пока читаешь, понимаешь. А как закрыл, то сразу и забыл? И потом поняли, что это потому, что вчера из того, что прочитал, ничего не поставил себе целью исполнить на деле. А если сегодня хоть одну заповедь исполнил, то завтра уже и две будешь помнить и сможешь исполнить, если захочешь.

Поэтому, приобретая теоретические познания, мы понимали, что их непременно нужно начинать при-

менять на практике. Но здесь, конечно, препятствовали и сластолюбивая плоть, и леность, и саможаление, и эгоизм, и все прочие страсти.

Правда, Давиду, как рабу Божию с изначальной установкой на любовь к Богу и ближним, с этим своим «я» справляться было легче. Ему как бы было свойственно жить по Евангелию, хотя он его тоже усердно изучал. Помню, был у него такой случай.

Однажды Давид шел из селения в свою келью почти без ноши. По дороге догоняет какую-то женщину, которая несет смотанный в рулон полиэтилен — большой моток плёнки. Тогда местные жители выращивали табак для колхоза. Для этого они брали в колхозе плёнку, сооружали односезонные табачные сараи и покрывали их полиэтиленом. Давид, посочувствовав женщине, взял у нее моток пленки — он ведь был тяжелый — и помог нести. Женщина идет впереди, Давид сзади. Пришли. Оказалось, что это была жена «темнолицего», о котором говорит монах Меркурий в книге «В горах Кавказа». Его звали Александр, а ее — Этери. Она показала свой дом. Давид донес пленку до калитки, отдал ей, а сам пошел дальше.

И что же из этого вышло? Надо сказать, «темнолицый» относился к монахам весьма недоброжелательно, почти враждебно. Много доставлял им неприятностей. Но после того случая он переменился в отношении к нам и стал даже нас приглашать: «Заходите в мой дом, заходите в мой дом!» Уже совсем иначе принимает — как друзей. Мы иногда заходили, говорили о том, о сем... и как-то постепенно почти с ним сдружились. Когда его сын ехал на машине — подвозил нас, иногда давал нам сыр. Можно сказать, совсем не замечалось со стороны его враждебности или зложелательства к нам.

Так невзначай исполнилось слово Писания: «Побеждай благим злое», — т.е. добрым твоим отношением побеждай злое отношение к тебе.

Что касается меня, то когда я решился с Божией помощью ущемить свое саможаление и исполнить хотя бы одну евангельскую заповедь, то тоже увидел, каковы плоды исполнения заповедей, как действуют они на человеческую озлобленность, на неверие... Конечно, сначала решиться на это было нелегко. А потом заметил: хотя первое время и идет смущение, колебание, борение совести с саможалением, но после окончания испытания на верность заповеди Христовой душа испытывает мир, радость и утешение. Таким образом, душа постепенно приобретает практический опыт и приходит в познание благотворности такого образа действий. И убеждается в истинности слов: ты сделай дело Божие, то есть исполни ту или иную заповедь, а Господь сделает твое дело, то есть устроит все твои жизненные обстоятельства во благо.

Так что помоги всем нам, Господи, понять это. Хорошо было бы, чтобы мы вместе с псалмопевцем всегда могли сказать: «*Часть моя еси, Господи: рех сохранити закон Твой*», т.е. «удел мой, Господи, (на земле) сказал я, соблюдать слова Твои» (Пс. 118, 57).

Из письма монаха Давида к рабе Божией Нине Григорьевне и брату Иоанну

Может быть, Вы захотите знать, что я понимаю под словом «любовь»? Под словом «любовь» я понимаю всеобъемлющее устремление ума и сердца к угождению и служению Богу, творение Его всесвятой воли всегда во всем и постоянно. А внешне это проявляется в исполнении заповедей Евангельских, ибо это и есть Его святая воля.

Сила любви, как мне кажется, зависит от двух вещей: от нашего ума и от нашей свободной воли. Эти две вещи очень тесно связаны между собой. И тот, у кого они имеют правильное направление, прежде всего, ищет Царствия Небесного и правды его.

В чем же состоит искание Царствия Небесного и правды его? Выражаясь словами апостола, оно, это искание, проявляется в искании познания, **что** есть воля Божия благая, угодная и совершенная. Эта воля открыта нам в Новом Завете. Изучая и исполняя ее на деле, мы мало-помалу начнем просвещать свое душевное око, т.е. ум, преобразовываясь в новую тварь во Христе.

Но очень жаль, что сегодня редко кто занимается преобразованием ума своего. Подавляющее большинство верующих ошибочно считают, что они знают Евангелие. Они, к сожалению, не улавливают той **большой разницы**, которая существует между понятиями «ежедневно читать» и «ежедневно изучать». Это — разные вещи. И вот это чтение, а не изучение является заблуждением сегодняшнего верующего. Это состояние есть не что иное, как самообольщение: «*Будьте же исполнители слова, а не слышатели только, обманывающие самих себя*» (Иак. 1, 22).

Для того чтобы спастись, нужно творить волю Божию.

Для того чтобы творить волю Божию, необходимо преобразовываться умом.

Для того чтобы преобразовываться умом и творить волю Божию, нужно изучить Евангелие и Апостольские послания **так**, чтобы эти новозаветные заповеди сделались **достоянием нашего ума**. Изучить **так**, чтобы изречения Нового Завета **всегда предстояли памяти**. И чтобы на каждом нравственном шагу, для каждого поступка, для каждого желания и помысла иметь в памяти готовое наставление Евангелия. Только тогда возможно точное и постоянное исполнение заповедей Господних; такое, какого требует Господь: «*Что вы зовете Меня: "Господи, Господи!" и не делаете того, что Я говорю?*» (Лк. 6, 46).

Для того чтобы правильно понимать Евангелие и Апостольские послания, необходимо взять правильное направление, в котором их рассматривать. А это направление диаметрально противоположно направлению мира сего (кратко выражаясь — на Голгофу с крестом за Христом).

Пророк Давид сказал, что в законе Господнем нужно поучаться день и ночь. Если пророку Давиду (обратите внимание: пророку!) нужно было поучаться и размышлять день и ночь о законе Господнем, то кольми паче нам! Бывают, правда, лица, не имеющие способностей к умственному труду, и до них не доходит то, что написано в Новом Завете: к чему это написано, и как это применить в жизни. Но кому мало дано, с того мало и потребуется. Их Господь может спасти, если они проявят верность в том малом, что имеют и будут с усердием исполнять все требования своей совести, зная, что это дело угодно Господу. Но такие встречаются редко.

Итак, упражнявсь в этом размышлении постоянно, пророк сказал: *«Ко всем заповедем* [Господним] *направляхся, всяк путь неправды возненавидех»* (Пс. 118, 128). И Господь сказал о нем: *«Обрел Давида мужа по сердцу Моему, который сотворит волю Мою»* (Деян. 13, 22). А ведь всем нам Господь сказал: *«Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдите»* (Ин. 14, 15). Для того же, чтобы их соблюдать, нужно их знать, а для того, чтобы знать, — изучать. И, изучая, исполнять. В этом и будет выражаться любовь ко Господу. И тогда-то придет к нам Царствие Небесное, и мы будем поклоняться Отцу в духе и истине — таковых поклонников ищет Бог. *«Любящий Мя будет возлюблен Отцем Моим и Аз возлюблю его... и к нему приидем и обитель у него сотворим»* (Ин. 14, 23).

(Продолжение следует)

СЛОВЕСА ЛУКАВСТВИЯ

Каждый день на вечерне читаем: *Господи... не уклони сердце мое в словеса лукавствия, непщевати вины о гресех* (см. Пс. 140, 3-4), то есть не дай мне, Боже, изобретать разные лукавые оправдания и изыскивать хитросплетенные словеса, лишь бы обезвинить себя, смягчить свою виновность, представить свой грех почти безобидным, вполне естественным, как будто само собой вытекающим из сложившихся обстоятельств. Каждый день в храме слышим эти слова, но тут же, через минуту, поступаем «в точности наоборот». Сегодня все постоянно оправдываются. Большая часть наших разговоров — это выгораживание себя, самооправдание и всяческое выставление себя в наиблагороднейшем, прямо-таки страдальческом виде. Не говоря уже о том, что неверующий мир постоянно только и оправдывает по-всякому страсти и грехопадения всех видов, составляет пространные учения и науки, пытающиеся все низкое и греховное представить как вполне естественное, доброе и даже необходимое для здоровья нервной системы человека.

Но что — мир? Мы, верующие, постоянно занимаемся тем же: как часто на исповеди человек называет грех и тут же добавляет какие-то поясняющие его обстоятельства, причем такие, которые едва уловимо стушевывают яркость греховного поступка, всю тяжесть зла переносят на что-то, стоявшее вне самого человека и способствовавшее развитию совершённого преступления. Часто даже само наше «приготовление к исповеди» — это не настраивание на откровенность, не приведение себя в расположение прямоты и покаянного самообличения, а совсем наоборот: подбор слов, фраз, такого рода речи, при которых мы и сказали бы о своих грехах, но как-то мягко, так, чтобы и особого стыда и затруднения не испытать. Напряженно подбираем такие выражения, такие наименования греха, чтобы «убить сразу двух зайцев»: и грех объявить, и себя не принизить. Даже в мелочах это повсюду! К примеру, кто-то в монастыре разбил стакан или сломал топор, проходит настоятель мимо, провинившийся говорит ему: «Вот, у меня стакан разбился» или: «Вот, сломался топор». Настоятель — в ответ: «Гм...». А что ему сказать? — «Бог простит!»? Так кого же? Стакан или топор — за то, что они такие непослушные и своевольные: берут да и ломаются без разрешения? Как просто ведь сказать: «Отче, прости, вот я разбил». И это нам трудно — почему? Нам трудно даже немного повиниться, даже иметь чуть виноватый тон, голову смиренно опустить. Как-то неудобно, неловко, стыдно. Значит, мы все время пребываем в состоянии внутренней успокоенности насчет себя, только тогда мы чувствуем себя уютно и хорошо, когда мы в глазах людей хорошие, без зазоринки. Нам не по себе, когда нас хоть в чем-нибудь укоряют.

А ведь христианин с утра пораньше на молитве себя настраивает на чувство своей крайней «никуданегодности», своей во всем повинности, ко всем грехам причастности. Куда же девается это в жизни нашей? Значит, произносимые нами на молитве слова одна формальность, одно фарисейство? А ведь начинать-то, пожалуй, и надо с этого. Не зря же и служба каждого дня начинается этими словами. Пока сердце наше не отклонится от болезненного навыка *непщевати вины о гресех*, ни о какой серьезной духовной жизни не может быть и речи. Дверь во внутренний мир духовного делания и борьбы со страстями остается для нас наглухо закрыта!

Архимандрит Лазарь (Абашидзе),
«МУЧЕНИЕ ЛЮБВИ.
Келейные записки»

МОЛИТВА

Из сочинений В. А. Никифорова-Волгина

Село Струги, где проживает отец Анатолий, тихое, бедное, бревенчатое и славится на всю округу лишь густыми сиреневыми садами. Очень давно какой-то прохожий заверил баб, что древо сирень от всякого мора охраняет. Ну и приветили это древо у себя и дали развернуться ему от края до края.

В сиреневую пору села не видно. Если смотреть на него издали, то увидишь одно густое лиловое облако, лежащее на земле.

В эту пору я ночевал у отца Анатолия. Наши научники и грамотеи считают его «горе-священником», так как и умом он скуден, и образования маленького, и ликом своим неказист, и проповеди у него нескладные, что мужицкая речь...

— Но зато в Бога так верит, — говорили в ответ полюбившие его, — что чудеса творить может! Меня уверяли чуть ли не клятвою: когда отец Анатолий молится, то лампады и свечи сами собою загораются!

Окна батюшкиной горницы были открыты в сад, на белую ночь, всю в сирени, зорях и соловьях. Отец Анатолий сидел на подоконнике и несколько раз оборачивался в мою сторону — видимо, ждал, когда я засну. Я притворился спящим.

...Отец Анатолий снял с себя затрапезный, заплатанный подрясник и облекся в белый, из-под которого видны были дегтярные мужицкие сапоги. Он к чему-то готовился. Расчесывая гребнем рыжевато-пыльную бороду и такие же волосы, рука его вздрагивала. Мне показалось, что по его грубому крестьянскому лицу прошла судорога, и между густыми бровями залегло раздумье.

Оглянувшись еще раз на меня, он встал на табуретку, зажег огарок свечи и большой для его маленького роста сумрачной земледельческой рукою стал затеплить перед иконами все лампады.

Темный передний угол осветился семью огнями. Встав перед иконами, отец Анатолий несколько минут смотрел на эти огни, словно любуясь ими. От его созерцательного любования в горнице и в сиреневом саду стало как будто бы тише; хотя и пели соловьи.

И вдруг тишина эта неожиданно вздрогнула от глухого вскрика и тяжелого падения на колени отца Анатолия.

Он приник головою к полу и минут десять лежал без движения. Меня охватило беспокойство. Наконец он поднимает лицо к Нерукотворному Спасу — большому черному образу посредине — и начинает разговаривать с Ним. Вначале тихо, но потом все громче и горячее:

— Опять обращаюсь к Твоей милости и до седмидесяти седмин буду обращаться к Тебе, пока не услышишь меня, грешного священника Твоего!..

Подними с одра болезни младенца Егорку!.. Ему, Господи, семь годков всего... Пожить ему хочется... Только и бредит лугами зелеными, да как он грибы пойдет собирать и как раков ловить... Утешь его, мальчонку-то! Возьми его за ручеёк! Обними его, Господи, Господи, Господи!.. Один он у родителей-то... Убиваются они, ибо кормилец и отрада их помирает!..

Господи! Как мне легко помыслить о Воскресении Твоем, так и Тебе — исцелить младенца! Надоел я Тебе, Господи, мольбами своими, но не могу отступить от Тебя, ибо велико страдание младенца!

Отец Анатолий опять приник лбом к полу и уже всхлипом и стоном выговаривал слова:

— Помоги... исцели... Егорку-то!.. Младенца Георгия!..

Он протянул вперед руку, словно касался края ризы стоящего перед ним Бога.

Это было страшно. В бедной вдовьей избе, среди суровой мужицкой обстановки, позолоченной лишь лампадными огнями, священник, похожий на мужика, разговаривает с Богом и,

может быть, видит неизреченное Его сияние...

Так молиться может только боговидец. Отец Анатолий положил три земных поклона и как бы успокоился.

Несколько минут стоял молча, изможденный и бледный, с каплями пота на сияющем лбу.

Губы его дрогнули. Он опять загово-

рил с Богом, но уже тише, но с тем же упованием и твердостью.

— Аз, недостойный и грешный священник Твой, молил Тебя неоднократно спасти от зловредного виновития раба Твоего Корнилия... и паки молю: спаси его! Погибает он! Жена его плачет, дети плачут... Скоро в кусочки они пойдут... Не допусти, Господи! Подкрепи его... Корнилия-то! Прости такожде раба Твоего Павлушку... то есть Павла... Павла, Господи! Я все это Тебе по-деревенски изъясняю... Огрубел язык мой... Так вот, этот Павлушка... по темноте своей... по пьяному делу песни нехорошие про святых угодников пел... проходя с гармошкой мимо церкви, плевался на нее... Ты прости его, Господи, и озари душу его!.. Он покается!

И еще, Господи, малая докука к Тебе... Награди здоровьем и детьми хорошими Ефима Петровича Абрамова... Он ведь за свой счет подсвечники в церкви посеребрил и обещает даже ризу мне новую купить, а то моя-то совсем обветшала... в заплатках вся... Благослови его, Милосердный... Он добрый!

О чем же еще я хотел молить Тебя? Да. Вот, урожай пошли нам хороший... и чтобы это травы были... и всякая овощ, и плод... А Дарья-то Ивановикова поправилась, Господи! Благодарю Тебя и воспеваю Пречестное имя Твое!.. Три зимы она лежала в расслаблении и скорби, а теперь ходит и радуется!

Вот и все пока... Да!.. Еще вот, спаси и помилуй гостя моего, зде лежащего раба Твоего Василия... Ему тоже помоги... Он душою мается...

И еще спаси и сохрани... раба Твоего... как это его по имени-то?

Отец Анатолий замялся и стал припоминать имя, постукивая по лбу согнутым пальцем.

— Ну, как же это его? Вот память-то моя стариковская!.. Да, вот этого... что у Святой горы проживает... и пчельник еще у него... валенки мне подарил... Добрый он... Его все знают... Борода до пояса... у него... Ну, как же это его величают? На языке имя-то!..

Отец Анатолий постоял пред Господом в задумчивости и кротко сказал Ему:

— Ты его знаешь, Господи! Ты всех знаешь... Прости меня, Милосердный, за безпокойство. Тяжко поди Тебе, Господи, смотреть на нас, грешных и недостойных?

Отец Анатолий погасил лампады, оставив гореть лишь одну, перед Нерукотворным Спасом. Проходя к своему соломенному ложу, он остановился около меня и вздохнул:

— Спит человек!.. А спать-то пошел, видимо, не помолившись... Эх, молодость! Ну что тут поделаешь?.. Надо перекрестить его... Отради его, Господи, силою Честнаго и Животворящего Твоего Креста и спаси его от всякого зла.

В.А.Никифоров-Волгин
«Алтарь затворенный».

ИСПОВЕДЬ

Мне уж на исповедь пора,
Я к ней готовлюсь не вчера.
Как ложный стыд я сокрушу,
О чем Тебя, Господь, прошу.
Кого судил не так давно,
А про свое забыл «бревно»,
И с вожделением смотрел,
И страсть, и похоть в сердце грел.
Духовной бранью жизнь полна,
Душа в томленье, ночь без сна.
Про свой порок не утаю,
Ведь я пред Господом стою!

Р. Толстых

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Люблю тебя, Святая Русь,
Во всех твоих годах,
И простоте твоей дивлюсь,
Сменившей лютый страх.

Когда-то в колыбели лет
Ты приняла Христа,
И озарил небесный свет
Суровые места.

Господь хранил тебя от бед
Под Промыслом Своим.
Но кто Творцу идет вослед,
В миру всегда гоним.

Едва окрепшую тебя
Травили злые псы.
Но не испортил дух вранья
Твоей святой красы.

Из всех кровавых передряг
Вставала юной ты,
И поднимался русский стяг
До большей высоты.

И нынче ты как встарь идешь
Неведомой тропой,
Смиренно данный крест несешь
Сквозь холода и зной.

Живешь в молящихся сердцах
И ждущих образах.
Живешь в несломленных отцах
И молодых глазах.

В твоих святых монастырях
Горят лампадки вновь,
А твой народ несет в скорбях
Отцовскую любовь.

Люблю тебя, Святая Русь,
Такой, как ты дана,
И красоте твоей дивлюсь
Русь — Родина моя.

С. Кузнецов, г. Тула

Лисичка

Из рассказа пустынножителя отца Никифора по книге В. Свенцицкого «ГРАЖДАНЕ НЕБА»

Приручилась один раз ко мне лисичка. Сначала на поляну ходила. Увидит меня, испугается — убежит. Я, бывало, положу ей чего-нибудь поесть и уйду. Возьмет и съест. Потом все смелей и смелей стала и до того привыкла, что как собачонка за мной, бывало, бегает. Я в кельи — она около терраски сидит, дожидается. Пойду за водой — она сзади меня бежит...

И вот, пришел ко мне охотник, горец. Лисичка моя как раз на полянке была. Увидал он ее, схватился за ружье. Не тронь, говорю, это моя лисичка, ручная.

— Откуда, — говорит, — она у тебя?

— Откуда? Из лесу! Приручилась. Теперь ручная. Мы с ней вместе за водой ходим. Пристал и пристал ко мне: благослови, отец, убить. Да ведь ручная, говорю, как же ее убивать. Был у меня кусочек рыбы. Бросил я ее. Думаю, схватит и убежит от греха. А она взяла, легла в ямочку и ест!

— Нет, — говорит охотник, — не могу стерпеть, убью. Благослови.

Я уж на хитрость пустился. Не могу, говорю, благословить тебя, потому что я не иеромонах.

— Ну, я все-таки, — говорит, — выстрелю.

Ах ты, Господи! Жалко мне лисички. Ведь ручная, за водой со мной ходит. Господи, думаю, спаси лисичку. А сам прошу охотника: не тронь, она никому зла не делает, живет все равно как собачка. Целый день около кельи. Не послушался! Прицелился. Выстрелил... Два раза перевернулась она и бросилась в лес. Охотник себе не верит! «Никогда, — говорит, — в жизни таких промахов не давал». А я рад. Чуть не плачу от радости... Подошли мы к ямке — смотрим: кровь, и так к лесу красной ниточкой потянулась. Долго бранил себя горец: уж очень ему было досадно. Говорю ему: за то, что мою лисичку ранил, никогда ты ничего на этой горе не убьешь. Она верила, что ей никто зла не сделает. Из лесу пришла, за водой со мной ходила. Что она теперь об нас с тобой думает? Рассердился на меня охотник, больше и не приходил ко мне.

— А лисичка?

— Лисичка пришла один раз — на трех лапках. Он лапку прострелил ей. Попрыгала, попрыгала на полянке. Близко не подошла. Бросил я ей есть — не взяла. Долго на полянке стояла все. Точно прощаться приходила. Потом пошла в лес. И больше не вернулась. Может быть, забоялась, а может быть, померла — Господь ее знает...

Просьба не использовать альманах в хозяйственных целях

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14, Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55. *Выходит с 2000 г. Тираж 5000 экз.*

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство *ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.*